

ЕЛЕНА
БЕЗРУКОВА

НАСЛЕДНИК
ДЛЯ ЖЕСТОКОГО

Елена Безрукова

Наследник для жестокого

<https://litres.ru/74320432>

Аннотация

— Я не буду спать с вами, — сказала я, глядя ему в лицо. Он лишь хрипло рассмеялся в ответ. — Выбора у тебя нет, ты разве ещё не поняла? Я всегда получаю то, что хочу. Придёшь сегодня ночью сама, в мою спальню. — Я не... Не приду. Боялась его до ледяных пальцев. Пусть лучше убьёт, но этот бандит не получит ни меня, ни ребёнка от меня. Тем более, что для него все это просто месть и забава. Холодные глаза сузились, взгляд устремился на меня. Пальцы неласково сжали мой подбородок и заставили смотреть ему в лицо и слушать. Голос проникал глубоко под кожу и звучал прямо внутри меня. — Значит, я тебя сломаю. Выбирай сама. --- Он — враг моего отца. А по счетам отца придётся платить мне. Я — та, что подарит наследника жестокому. _____ ЖЕНА МОЕГО ОТЦА -

Содержание

ПРОЛОГ.	5
1.	9
2.	13
3.	18
4.	20
5.	24
6 .	30
7.	37
8.	44
9.	48
10.	54
11.	59
12.	66
13.	69
14.	75
15.	81
16.	84
17.	91
18.	95
19.	99
20.	103
21.	111
22.	116

ПРОЛОГ.

Звук открывшейся двери заставил меня вздрогнуть. Это он. Он победил и пришёл за своим трофеем.

— Прекрасно, — обошёл он меня и оглядел с ног до головы, коснувшись пальцами локонов волос. — Ты подготовилась.

— Как ты просил, — ответила я, не поднимая глаз на него.

— Хм, — усмехнулся он. — Такая послушная ты мне нравишься больше. Ну что же, начнём.

Боковым зрением я видела, как он снимает пиджак, дорогие часы и рубашку. Оставив на себе только брюки, Гор подошёл ко мне. Жар его кожи опалил меня и заставлял нервно вздыматься грудь.

Поднял мой подбородок на себя. Тёмные глаза так и впились в мои губы, мне казалось, их даже закололо от одного его взгляда.

— Красивая, — провел большим пальцем по нижней губе. — Моя. Поцелуй меня, Ясмин.

Его просьба заставила меня растеряться. Я почти смирилась с тем, что придётся принимать его вынужденные ласки, но совсем не ожидала, что он потребует от меня стать их инициатором.

— Ты помнишь, что ты обещала?

— Да, я помню, — ответила я, не понимая, как я посмею

решился поцеловать мужчину, поцеловать ЕГО.

— Делай, — он обхватил большими ладонями моё лицо и приблизил к моим губам свои. Остались лишь считанные миллиметры. — Целуй.

Его обнажённый торс, которым он прижался ко мне, смущал и заставлял нервничать. Мне тяжело выносить его энергетику с ярко выраженной сексуальностью и желанием, откровенной похотью. На меня никто никогда так не смотрел. Сердце немело от этого взгляда.

— Хочешь, чтобы меня поцеловала Зарема вместо тебя? — сузил глаза Гор. — Если у неё такие же сочные и пухлые губы, как твои, и такие же вкусные, то я не против.

Нервно сжала руку в кулак и с усилием опустила на его грудь. Меня просто разрывало от негативных эмоций. В ответ он мягко рассмеялся и словно с издевкой перехватил мой слабый кулак и поцеловал сжатые пальцы, потом развернул его к себе запястьем и легко поцеловал его. Кончик языка обжег тонкую кожу, и я ощутила нервный импульс по спине.

— Ясмин, я теряю терпение, — слегка прикусил он мою кожу, и я испуганно всхлипнула.

Притянул меня к себе сам и опустил свои губы на мои. Он ничего не делал, явно ожидая, когда я начну вести ласку сама. Но я... Не умею, я не знаю как. Что он хочет от меня сейчас? Или ему потому и забавно требовать от меня того, что я не умею?

Мужские руки ощутимо сжали мою талию, заставляя ме-

ня тем самым начать делать уже хоть что-то. Я стала без энтузиазма по очереди касаться его губ. То верхней, то нижней. В животе словно что-то защекотало.

— Ещё, — командовал он предельно низким от возбуждения голосом. — Смелее.

— Я не знаю... Не знаю как.

Гор посмотрел на меня со снисхождением и улыбкой в глазах.

— Разомкни губы. И позволь мне тебе показать.

Его губы снова обрушились на мои, не дав даже сделать глоток воздуха. Настойчивый горячий язык ворвался внутрь меня и с наслаждением, медленно, стал выписывать восьмёрки, задевая мой язык и сплетаясь с ним в причудливые узоры. Я пыталась расслабиться в его руках и подчиняться, буквально все мои силы уходили на то, чтобы не оттолкнуть его или не прокусить зубами его язык, что по-хозяйки гулял внутри моего рта.

Почувствовала, как он тянет пеньюар вверх, желая его снять и обнажить моё тело. Вся моя выдержка лопнула на этом моменте. Я вцепилась в ткань как в спасительную соломинку, пытаюсь прикрыть ей грудь.

— Ясмин, — изогнул бровь он, настырно отнимая у меня мою защиту.

Неимоверным усилием воли позволила ткани просочиться сквозь пальцы и осталась стоять в одних трусиках. Неосознанно прикрылась руками, но Гор их тут же отвёл в сторо-

ны.

— Нет. Я хочу смотреть.

По коже побежали мурашки. Стало холодно и неуютно от хищного взгляда на меня, Гор даже втянул воздух, раздув ноздри, словно слушая мой аромат тела.

Собрал мои волосы на затылке и потянул их в сторону, обнажая шею. Горячие губы легли на тонкую кожу шеи, прокладывая дорожку до самой ключицы. Хищник тяжело дышал, наслаждался каждым моментом, упивался моей покорностью и видом моего обнажённого тела и никуда не торопился. Вспомнились его слова о том, что ночь обещает быть долгой...

1.

Преодолев довольно длительный путь, машина остановилась. Я завертела головой, пытаюсь хоть что-нибудь понять, но с повязкой на глазах это просто невозможно было сделать.

Несколько пар сильных рук подхватили меня под локти и вытащили из салона, а потом практически понесли над асфальтом, словно я вообще не имела веса. Они шли так скоро, что я не успевала перебирать ногами в белых туфлях на высоченной шпильке и путалась в огромном количестве кринолиновых юбок, и если бы мужчины не держали меня, уже обязательно бы клюнула носом асфальт.

Мы прошли по какому-то помещению и поднялись по лестнице на второй этаж. Эта информация не принесла мне пользы, так как я в принципе не понимала, где я вообще находилась и зачем. Тело трясло мелкой дрожью от мыслей и догадок о том, что теперь со мной сделают, и к КОМУ я попала. В голову лезли только страшные и очень страшные мысли, потому что хорошие люди не крадут чужих невест. Так делают только бандиты, которые не боятся законов и статей о похищении людей.

В очередном помещении мы остановились, и меня отпустили. Впрочем, со связанными руками и закрытыми повязкой глазами, в свадебном наряде я бы все равно далеко не убежала.

— Гор, вот она, — сказал мужской голос справа.

— Оба вон, — слышала я ещё более низкий и холодный тембр и уставилась впереди себя, хотя, конечно, сквозь ткань на глазах я не могла видеть обладателя этого голоса, который заставил дрожать меня ещё сильнее.

Этот мужчина здесь главный, понятно лишь по тону и обращению с персоналом.

Послышался топот ног, хлопок двери, затем тяжёлые шаги по ковру, которые приближались ко мне, а потом остановились в считанных сантиметрах. Я робко повела плечами, словно мне было холодно, боясь узнать, кто стоит прямо передо мной. Даже с закрытыми глазами я ощущала его. Энергетика чужого мужчины страшная, очень подавляющая. Потянула к себе ближе связанные спереди, уже саднящие от веревок руки, словно они могли меня закрыть от него и спасти.

Дёрнулась, почувствовав движение возле своей головы, и ткань, закрывающая глаза, опала на пол. Они тут же заболели от яркого света после повязки. Моргнула несколько раз, чтобы сфокусировать взгляд. Сначала я увидела перед собой дорогие начищенные ботинки, затем брендовый костюм, а потом и ледяные глаза, что пристально изучали меня. Красивый мужчина, высокий и большой. Даже на шпильках я была на голову ниже и тоньше в разы. Не выдержала его цепкого взгляда и опустила ресницы.

Мужская рука властным движением заставила меня снова посмотреть на него. Он ещё не разглядел меня и отпустить

готов не был.

Господи, ну почему он так смотрит? Он пугает меня. Снова затрясло.

— Зачем я... з-здесь? — решила я задать вопрос, несмотря на панику внутри.

Кто знает, когда он придёт сюда снова? Мне необходимо понимать хотя бы малую часть того, что происходит. Только хозяин дома способен объяснить мне хоть что-то, если, конечно, пожелает. Для чего-то же меня сюда привезли? Значит, скоро прозвучат и требования. Мужчина продолжал хранить молчание. Он убрал руку с моего лица.

— Что вы хотите от меня? — снова спросила я, не поднимая на него глаз. Я просто боялась встретиться с этими чёрными глазами ещё хоть раз.

Похититель смотрел в упор из-под сдвинутых на переносице бровей. Он все же соизволил ответить:

— Мне нужен твой жених.

Ничего не понимая, хлопала ресницами. Я стояла посреди спальни чужого дома в свадебном платье и фате, так и не доехав до ЗАГСа.

— И что вам от него нужно? При чем здесь я?

— Деньги, — ответил мужчина, которого раньше я никогда не встречала. — А ты — живой залог. Приманка.

На время я замолчала, никак не принимая, что это не бовик по телевизору, а моя реальность.

— А если... Мой жених не заплатит? — спросила я и больно

закусила нижнюю губу в ожидании ответа.

— Значит, заплатишь ты.

— Но...

— Молчи. Говорить будешь, когда я позволю, — оборвал он меня на полуслове. Жесткие пальцы снова подняли моё лицо вверх. Тёмные ледяные глаза снова прошлись по моему лицу, словно я товар на рынке, и остановились на моих губах. — Красивая. Очень. Теперь я понимаю, за что готов был платить твой жених. И если он не захочет отдать деньги, то заплатит чем-то гораздо более дорогим.

Он опустил руку, позволив мне снова уставиться в ковёр.

— Располагайся, Ясмин,— отступил он на шаг от меня.

— И запомни — ты не в гостях. Ты в плену.

Меня выкрали прямо из свадебной машины и привезли сюда. И что теперь будет?

2.

Он вышел, оставив меня стоять посреди комнаты со связанными руками. Как же они уже болят, боже мой... Никак самой не развязать и помощи попросить не у кого. Здесь все враги. Хоть бы руки развязал мне, чудовище. Я же никуда отсюда не сбегу. Мне просто не дадут. Тут охраной напичкан весь дом.

В замке с характерным щелчком повернулся ключ, и я обернулась на звук. Нахмурилась. Я понимала, что здесь со мной церемониться никто не станет, но все равно неприятно было осознать, что меня закрыли тут как рабыню какую-то, без прав и голоса. Никто никогда раньше так со мной не обращался.

А что с остальными? Похоже, сюда привезли только меня. А Зарема? Другие гости? Дай бог, чтобы с ними было все хорошо, я отчетливо слышала громкие мужские голоса и перестрелку.

Постояла в растерянности какое-то время и решила хотя бы разуться — ноги нещадно гудели от новых туфель на слишком высоком, непривычном для меня каблуке. Осторожно высвободила одну ногу, потом другую, и ощутила ступнями мягкий ворс ковра. Так немного легче. Ещё бы дурацкую верёвку с рук как-то изловчиться снять, но ничего не получалось, как бы я ни изворачивалась. Устав бороться с

верёвкой и поняв, что так делаю себе лишь большее, бросила это неблагодарное занятие.

Присела на край большой кровати. Стоять сил уже не было никаких. Усталость и физическая, и моральная. Нервы натянуты до предела. С самого утра я жутко нервничала и даже не смогла поест. Теперь же в животе урчало, принося мне неприятные ощущения.

Оглянулась вокруг. Оставшись одна, я позволила себе рассмотреть комнату, которая теперь послужит мне тюрьмой. Дом явно принадлежит человеку с достатком и положением, все просто пахнет роскошью. Наша семья тоже далеко не бедная, но даже у нас нет такой мебели, какая стояла здесь. Кровать с высокой кожаной спинкой, очень большая и широкая, тут могут спать за раз человек пять, не меньше. Красивый светло-бежевый шкаф, такого же стиля тумбочка у кровати. На стене современная плазма, а у огромного панорамного окна в пол — небольшой столик и два кресла. Все смотрится гармонично, и я бы даже назвала эту комнату приятной, если бы не была здесь в плену, только пустой и неживой, словно дорогой номер презентабельного отеля. В стене обнаружила ещё одну дверь — скорее всего, она ведёт в ванную комнату. Конечно, я буду тут запрета, и логично, что удобства находятся прямо здесь.

Мой взгляд снова привлекла к себе кровать, на которой я сидела. Она словно была тут главной, здесь даже дивана никакого не было больше, только те два кресла у окна.

Словно здесь моё место, и хозяин дома захочет, чтобы я...

Нет, мне слишком страшно об этом думать. Я не буду с ним никогда и ни за что. Пусть лучше сразу убьёт. Я не ему принадлежу, а Самиру, и не стану неверной своему жениху. Он НЕ заставит меня. Очень надеюсь, что скоро Самир и папа заберут меня отсюда и накажут этого человека, как он того заслуживает!

Руки уже просто затекли, корсет давил на ребра до невыносимой боли, в туалет ужасно хотелось, но со связанными руками я бы не смогла туда сходить. По щекам бежали слезы, размазывая тушь и карандаш, которым меня щедро накрасили для свадебной церемонии. Всё должно было быть не так...

За несколько часов до событий.

— Какая ты красавица у нас, Ясмин, — поправила мои локоны Зарема — моя сестра.

Сегодня день моей свадьбы, и из зеркального отражения на меня и сестру смотрела шикарная невеста. Да, я привлекательна, и прекрасно знаю об этом. Моя тонкая красота и молодость многих влекла, и уже не раз меня сватали мужчины из очень уважаемых семей. Но досталась я Самиру — молодому сыну партнёра отца.

Я не была против. Самир мне нравился, хотя знала я его мало, но мне он показался симпатичным и обходительным. Когда он приезжал к родителям с подарками, и мы все вместе пили чай, он был вежливым и обаятельным и с моим отцом,

и со мной, и с младшей сестрой и братьями.

Я сама согласилась на этот брак. Ждать свою любовь мне все равно никто не позволит, это не принято в нашей семье. Невесты нашего рода идут за того, кого заботливо выбрали родные. Как и во многих семьях с именем и деньгами. Мужа выбирают из самых выгодных партий. У меня и в голове не было мысли сопротивляться выбору отца, тем более, что в любовь сразу, с пустого места, я не верю. Я привыкла, что моя мать, моя бабушка — шли замуж за выбранных отцами мужей. И сестре однажды тоже выберет жениха отец. Меня учили, что любовь приходит не сразу, но она придет. А мне папа выбрал молодого и красивого Самира. Я обязательно его полюблю, у меня всё впереди.

Немного волновалась о том, как пройдет первая брачная ночь. Меня никогда не касались мужчины, я даже близко не общалась ни с одним из них. Свое тело я всегда целомудренно прикрывала не вызывающей одеждой, никаких открытых купальников, никаких коротких юбок и декольте. Я хочу, чтобы мою красоту видел только мой муж, один, раз и навсегда.

— Ну, что же, пора, — улыбнулась Зарема. — Братья уже все шары полопали вниз, балбесы, устали ждать.

Нашей мамы уже давно нет с нами. Я даже её не помню. Она родила мою сестру-погодку в адских муках и умерла. Надеюсь, что сейчас она вкушает виноград на шелковых подушках райских садов и радуется за меня сверху. Но все же

меня в этот день одолевала грусть — не мать собирает меня под венец, а младшая сестра.

— Да. — Ещё раз я взглянула на себя. — Пора.

И снова застыла на месте, пытаюсь побороть волнение перед свадебной церемонией. Она будет шикарной и грандиозной, с огромной толпой гостей и подарков. На меня сегодня будут смотреть столько глаз разом! Родственники, друзья семьи, пресса... Свадьба для нашей семьи — это большое и серьезное мероприятие, к которому готовятся заранее, и на которое не жалеют денег. Мой отец известный бизнесмен, и свадьбу организовал с большим размахом совместно с моим женихом.

Платье на мне, как и все остальное, из одного из самых дорогих салонов для невест: белое, пышное, очень нежное, с кружевом по плечам. Но все внимание к себе привлекало моё лицо и выразительные глаза, которые сверкали от умелого макияжа, нанесенного приглашенным на дом стилистом. Так ярко я никогда не красилась и сейчас с удивлением рассматривала, какая у меня, оказывается, красивая линия скул, пухлые, чувственные губы и просто огромные глаза. Повезло же Самиру — такая красавица достанется ему в жёны! Улыбнулась сама себе в отражении.

— Я готова, — развернулась я в сторону двери.

3.

Подхватила полы пышных юбок спереди, а Зарема закинула на плечо свою и мою сумочки и занялась подолом сзади, чтобы я не наступила на ткань каблуками, не испачкала белоснежное платье, и, не дай боже, не упала. Мы спустились и сели в белый лимузин, который доставит нас к ЗАГСу.

Я продолжила нервничать и в машине, периодически сжимая руку сестры, которая сопровождала меня и поддерживала лёгкой улыбкой.

— Ясминка моя любимая уходит, — с её ресниц сорвалась слезинка. — Как я теперь без тебя?

— Зарема, ну что ты? — Сжала я крепче её руку. — Я же никуда не уезжаю. Просто теперь у меня будут муж, дети, свой дом. Но двери этого дома для любимой сестры всегда открыты.

Неожиданно и резко машина, взвизгнув тормозами, остановилась. Мы едва успели ухватиться за сидение, чтобы не удариться головами. Дорогу нам перегородили огромный чёрный джип и микроавтобус, из которого посыпались один за другим парни в форме ОМОНа. Всё понеслось как на карусели – слишком быстро, просто за считанные секунды. Дверь лимузина с моей стороны распахнулась, и меня бесцеремонно принялись вытаскивать из салона. Зарема закричала, я тоже, пытаюсь удержаться за руку сестры, но мужчины в

форме оказались, конечно, сильнее, и выволокли меня прямо на асфальт, на который я, не удержавшись на ногах, села прямо в белом платье. Парни подняли меня обратно на ноги, и вдруг наступила темнота — кто-то завязал мне глаза! Я вертела головой, ничего не понимая и глупо моля отпустить. Никто, естественно, отпускать меня не собирался. Мои руки грубо схватили и свели впереди вместе, больно стянув верёвкой. Потом запихнули в какую-то машину, по ощущениям и маневренности — тот самый чёрный джип, что преградил нам дорогу, и под звуки стрельбы авто сорвалось с места.

Я сидела, зажатая с обеих сторон мужскими крепкими телами, и боялась дышать. Я не успела ничего понять. Меня похитили?

Неожиданно ключ в замке повернулся, и дверь распахнулась, выдергивая меня из мыслей и заставляя вскочить на ноги.

Это *ОН*вернулся?

4.

Однако, вопреки моим ожиданиям, в комнату вошла женщина. Невысокая азиатка с каре и в форме прислуги мне кивнула и сделала легкий поклон. В её руках был поднос с едой, который она пронесла через всю комнату мимо меня и поставила на стол возле окна.

— Здравствуйте, — тусклым голосом сказала я, подходя к ней ближе. — Помогите мне, пожалуйста.

Женщина мне не ответила. Ну да, конечно, зачем ей помогать пленнице своего работодателя? Судя по поведению этого Гора, я могла быть здесь не первой затворницей, весь персонал обучен правильно вести себя с "гостями" и будет молчать со мной как рыба об лёд, если хотят сохранить свое место. И жизнь.

"Сабира" — прочла я на форменном бейдже. Она даже не назвала мне своего имени, молча вынула из кармана фартука небольшие ножницы и потянула меня за руки, чтобы обрезать веревку. Я послушно подставила запястья ей. Щелчок, и руки перестала так сильно стягивать бечевка, она мягко упала нам под ноги на персиковый палас. Я тут же принялась растирать ставшие уже фиолетовыми руки.

— Спасибо вам, Сабира, — сказала ей.

Она снова лишь кивнула в ответ. Почему она абсолютно на все молчит? Странная. С ней я точно не договорюсь. Жен-

щина уже начала поворачиваться ко мне спиной, чтобы уйти, как я окликнула ее.

— Сабира.

Она обернулась и снова ничего не сказала. Только слушала и смотрела.

— Ленты корсета, — сказала я и повернулась к ней спиной. — Перережьте и их, пожалуйста. Я не могу уже больше их выносить.

Сзади слышались мягкие шаги по ковру, затем новый щелчок. Руки женщины стали ловко расшнуровывать ленты, и каждый новый вдох мне давался все легче и свободнее. Она помогла мне освободить руки из платья, и теперь я смогу его снять самостоятельно.

Удерживая ткань на груди, я снова повернулась к Сабире лицом.

— Благодарю вас. Скажите, а вам запретили со мной говорить? Вы знаете, что я здесь насильно? Если вы сообщите о моем местонахождении отцу, он вас озолотит.

Сабира грустно улыбнулась и показала мне жестами:

"Я слышу вас, но не говорю".

Я с огорчением поняла, что женщина немая. Поэтому её приставили ко мне. Она ничего мне не ответит.

— А написать? — пришла мне идея в голову. — Написать же вы можете?

Она покачала головой и снова жестами объяснила:

"Это запрещено".

Какая-то западня. А потом огляделась по сторонам ещё раз. Она просто боится, что хозяин узнает о нашем разговоре, или здесь ещё и камеры натканы по всей комнате?

— Сабира, а камеры есть здесь?

Она покачала головой, отказываясь отвечать, мол, эти вопросы не ко мне, показывая, что ей пора идти, она здесь только затем, чтобы принести еду и перерезать верёвку.

Я лишь печально вздохнула, глядя в спину уходящей Сабиры. Она мне точно не друг, у неё помощи я не найду. Вдруг на плечи обрушилось такое ощущение безнадежности, что по лицу опять побежали солёные дорожки.

Никто мне здесь не поможет.

Я сгнию тут, если Самир не найдёт деньги или не захочет отдавать их за меня.

Хотелось бы думать, что это заточение не продлится долго. Самир и отец уже прекрасно знают, что меня украли, и ищут. С момента похищения из машины прошло уже как минимум часов пять-шесть по моим внутренним ощущениям. Вероятно, Гор уже ведёт переговоры с ними, потому что он сам сказал, что ему нужна вовсе не я, а деньги.

Гор...

Что-то знакомое. Никак не могла уловить и вспомнить, где я раньше уже слышала это прозвище. Не сомневалась, что точно слышала — Гор.

Слава небесам, деньги у моих родных есть, чтобы выкупить меня. Хотя, возможно, из-за денег семьи я и попала в

такую ситуацию. Больно сладок куш для таких ушлых людей, как мой похититель.

За окном давно взошла луна. Свет фонарей стал пробиваться в окно полутемной спальни, в которой я даже не знала, где включается свет. Выключателей не нашла, на обычном месте – на стене у входа – они просто отсутствовали. Хорошо, что в ванной комнате освещение включается на движение, иначе и делать все свои дела мне пришлось бы в крошечной темноте.

Зато нашла пульт от телевизора. Потыкала в кнопки, и плазма ожила. Что там показывали, мне было совершенно все равно, я смотрела куда-то мимо, но равномерный бубнеж создавал в комнате ощущение уюта, безопасности и того, что я не одна. Понимала, что это иллюзия, но я хваталась за неё как за спасительную соломинку, чтобы просто не сойти с ума от страха.

Стало клонить в сон. Начала вспоминать, когда же в последний раз ела: из-за хлопот со свадьбой и нервов по этому поводу – аж позавчера. Теперь от сытости глаза просто закрывались.

Шатаясь от усталости, прошла к кровати и легла на неё, свернувшись калачиком и укрыв ноги пледом. Не заметила, как сон утянул меня в свои объятия.

5.

Спустя несколько дней.

Утро встретило меня ласковыми лучами солнца. Мне было хорошо, тепло. Я даже улыбнулась солнечным зайчиком, скользящим по моему лицу. Открыла глаза и замерла на месте, не мигая. Комната незнакомая.

Резко села на кровати. Где я?

Потом бетонной плитой придавило осознание, даже плечи осунулись, а голова упала на грудь. Я все вспомнила. Сон лишь на время уберёг мою нервную систему, заставив забыть, что я в неволе. Поморгала, прогоняя непрощенные слёзы. Смысла плакать нет, нужно думать что-то. Но что? Я не знаю, что делать, и что думать, не знаю тоже. Я здесь уже три дня, и до сих пор от семьи тишина. Неужели этот человек сильнее Самира и папы? Какие дела и нерешаемые проблемы у него могут быть с моей семьёй?

Единственное, в чем я продвинулась с первой ночи в этом доме-тюрьме — научилась включать свет. Точнее, обратилась по этому вопросу к Сабире, и она указала на маленький пульт, лежащий на подоконнике, который я просто не заметила. Светом можно управлять дистанционно с этого пульта.

Потрясла головой, прогоняя сон. Понять бы хотя бы, сколько времени сейчас. Семь, восемь, десять утра? Ничего не ясно. Скорее, до девяти, потому что завтрак ещё не

приносили. Как и в большинстве домов, он проходит здесь примерно с восьми до девяти часов утра. Пошарила рукой по кровати в поисках пульта от плазмы, которую я выключила вчера ночью в полудреме. Стала щёлкать по каналам в надежде найти программу, которая бы показывала часы. Нашла. На одном из федеральных каналов шла передача "Новости", а сверху показывалось время. Восемь-двадцать. Я почти точно определила. Начинаю уже ориентироваться во времени без своего смартфона.

Никаких личных вещей при себе у меня нет. Сумка с паспортом, телефоном и косметичкой осталась у Заремы. Вспомнила о ней и снова заперезживала. Надеюсь, что и ей, и моей семье не сделали ничего плохого, ведь там явно слышалась перестрелка с охраной свадебного кортежа... Целью была я, и потому в моей душе теплилась надежда, что никого больше не тронули и, не дай бог, не ранили.

Длинные волосы спутались и липли к шее и лицу. Я опять уснула с мокрой головой, и вот результат. Расчески никакой я здесь не нашла, поэтому пришлось разделить кое-как пряди пальцами и просто сплести локоны в косу, чтобы не мешали.

В халате невыносимо жарко, щеки пылали огнём, и я была вынуждена искать что-то ещё из одежды. Осмотрела все шкафы и комоды, но так ничего больше не нашла. Пришлось надевать обратно трусики и чулки, которые я стирала и сушила на батарее каждый вечер, а сверху толстый халат. Мо-

жет, стоит попросить Сабиру принести какую-нибудь одежду? Хотя бы ЭТО она может сделать для меня, не навлекая на себя при этом гнев хозяина дома?

Успела только умыться, как дверь открылась, и с подносом вошла прислуга. Женщина снова мне кивнула в знак приветствия и пронесла через комнату завтрак. Установила его на столе, взяла с одного из кресел моё платье, намереваясь его унести, и пошла к выходу, даже не оглядываясь, словно меня здесь нет.

— Сабира, — позвала я её.

Она остановилась, сложив руки вместе, и посмотрела на меня.

— Вы не могли бы попросить для меня какую-либо одежду и носки? — попросила я. — Я приехала сюда в этом свадебном платье, я не могу его носить по дому. Больше у меня ничего нет с собой, и здесь я ничего тоже не нашла кроме халата, а в нем очень жарко.

Сабира лаконично кивнула, пообещав мне тем самым поговорить с хозяином.

— И расческу. И шампунь для волос. Пожалуйста, — добавила я ей в спину. — Я не могу распутать волосы...

Наверное, это звучало как капризы, и дома я могла продемонстрировать их нашей прислуге или папе, который растил меня принцессой, но сейчас мне действительно было необходимо просто прочесать волосы после лака и неподходящего средства гигиены. Никогда не мыла голову гелем для душа,

да ещё и мужским. Волосы как солома. И пахнут "мужиком".

Но женщина и не думала раздражаться, она снова сдержанно кивнула и ушла. Я, конечно, очень надеялась и верила, что уже сегодня меня отсюда заберут, и семья уладит все вопросы с этим Гором, но... Вдруг нет? Уже пошел третий день, как я нахожусь здесь, а за мной никто так и не приехал. Неужели что-то пошло не так?

Дни смазались. Время стекло в сплошную бесконечность. Тянулось как резина. Я не знала, чем себя занять, кроме бесполезного просмотра каналов по телевидению. Хоть бы книжку какую принесли почитать, что ли... Но озвучивать такие прихоти я все же постеснялась.

Я успела выучить наизусть каждую дощечку и каждый кустик, которые видны из окна моей спальни. Территория, прилегающая к коттеджу, большая, огорожена высокими коваными воротами, и охрана здесь очень серьезная и профессиональная. В вольере четыре огромных бойцовских пса, которых на ночь выпускают погулять по тщательно подстриженным лужайкам. Попытка сбежать отсюда будет глупой и провальной. Эти мысли я давно уже оставила. Самой, без посторонней помощи, мне отсюда ни за что на свете не выбраться.

Днем приходил доктор. Женщина. Гинеколог. Она осмотрела меня прямо на кровати. Долго разглядывать мою невинность не пришлось, она же наверняка проверяла именно это, а потом непременно доложила об этом похитителю. Теперь

я стала еще сильнее переживать за свою судьбу. Зачем ему знать, невинна я или нет? Это и так не обсуждалось в моей семье, но Хищник решил перепроверить.

Ближе к вечеру вернулась Сабира. Она молча разложила на кровати вещи. Всего два предмета из тех, что я просила. расчёска и... синяя мужская рубашка.

Я взяла в руки ткань, приятную на ощупь и очень дорогую. Рубашка была даже выглажена и накрахмалена, хоть и явно не новая, просто чистая.

— Рубашка мне? — удивлённо спросила я.

Сабира уверенно закивала головой.

— Вы ничего не перепутали?

Теперь уверенно покачала ей из стороны в сторону.

Странно. Это шутка такая у похитителя? Рубашка явно ношенная, и скорее всего именно его. По размеру подходит. Он хочет, чтобы я гуляла по спальне в ней? Зачем? Но выбора у меня нет, потому что в слишком теплом халате я устала жариться, скоро как бройлер запекусь в собственном соку.

Пока я разглядывала принесенные вещи, Сабира начала уборку комнаты и ванной. Я изогнула бровь, наблюдая за тем, как ловко она перестилает постель. Ничего себе, мне даже любезно протрут пыль и не заставят дышать бациллами? Какая нежная забота.

В ванной переоделась в принесенную рубашку на голое тело и вышла в комнату, чтобы посмотреть на себя в зеркало. Выглядело очень вызывающе. Рубашка спереди и сзади вро-

де бы длинная, но по бокам сильно уходит вверх, слишком открывая бёдра. Кружевные резинки белых чулок выглядели из-под полы вещи, привлекая внимание к ногам, которые казались в них ещё длиннее. Ткань тонкая, и сквозь неё угадываются очертания груди без белья.

Щеки мои вспыхнули. Стыд какой. Не дай боже, в таком виде меня увидит хозяин дома. Но без чулок ногам холодно, я даже летом в носках хожу по дому, а сейчас ноябрь. Да и не спасёт меня, если я их сниму вовсе. Весь мой вид был слишком...распутным.

Тут же начала чувствовать и злобу. Он специально это затеял. Хочет посмеяться надо мной? Что ж, у него это отлично получится, если он придёт и увидит меня такой! Другой одежды у меня нет, а Сабира ещё почему-то унесла и халат. Наверное, чтобы постирать, но новый так и не принесла. Я бы могла надевать хотя бы его, если ко мне заявится Этот Человек. Но меня лишили такой возможности.

Сердце упало в пятки, когда перед ужином я услышала поворачивающийся ключ в замке. Я очень переживала, что пришёл хозяин, хотя мне не терпелось узнать хоть какие-то новости. Но эта была снова Сабира, которая завезла тележку с едой в комнату.

Сердце вновь пустилось вскачь — ужин предназначался для двух персон.

6 .

Сабира ловко и быстро накрыла стол на двоих и удалилась, отодвинув в угол тележку. Я растерянно смотрела на красивые и ароматные блюда, нервно кусая губы. Значит, сейчас придёт ОН. А я в таком виде...

Позади меня снова распахнулась и закрылась обратно дверь. Я замерла на месте, спиной ощущая его. Меня немедленно сковал льдом страх. Я не могла пошевелиться, он словно прибил меня к полу своим тяжёлым взглядом и мощной мужской энергетикой. Глухие шаги по ковру остановились возле меня, и я почувствовала тепло. Чужое тепло, тепло мужчины, тепло врага. Сглотнула, не решаясь даже повернуться к нему. Он обошёл меня сам и опять остановился. Головы я не поднимала и видела лишь носки начищенных ботинок и выглаженные строгие брюки со стрелкой. Рядом с ними мои босые ноги в одном белом капроне смотрелись крайне странно, мы словно Нищенка и Король.

— Какая ты сексуальная в этой рубашке, — сказал негромко он, явно с усмешкой. — Я не ошибся с выбором одежды для тебя, Ясмин.

Мои щеки вспыхнули стыдом, а внутри начала подниматься волна возмущения. Как он только смеет говорить мне подобное?

— Простите, — подала я голос. — Не говорите со мной

об этом.

— А что такое? — отвечал он так, словно кот с мышкой играет. — Стыдно слушать?

— Стыдно такое говорить чужой невесте.

— Значит, так, — поднял он моё лицо на себя. Я встрети­лась с ледяными и очень тёмными глазами и обмерла ещё больше. Я уже начала жалеть, что открыла рот в его присут­ствии. — Я буду тебе говорить все, что посчитаю необходи­мым, а ты будешь слушать. Сядь.

Он отпустил моё лицо, чтобы я могла подойти к креслу. Я молча выполнила его приказ, усевшись на край мягкого сидения. Почувствовала, как рубашка задралась выше, и по­пыталась её расправить. Ткани было слишком мало, и при­крыть голые колени и ляжки у меня не вышло. Тогда я про­сто свела их вместе как можно теснее и сложила руки на ко­ленях, попытавшись таким образом их прикрыть. Чувство­вала себя при этом ужасно неловко, хотя я не виновата в том, что мне приходится существовать здесь в таком виде.

Мужчина смотрел на меня. Он наблюдал, как хищник за ланью, ловил каждое моё скованное и робкое движение, а на попытки спрятаться от его беспощадных порочных глаз откровенно смеялся.

— Поужинай. Наш повар готовит отличные стейки с кро­вью.

Гор уже снял крышку со своей тарелки, и комната напол­нилась ароматом слабо прожаренного мяса. Я же в присут­

ствии мужчины не смогла бы есть, какой тут аппетит. К тому же мясо я не ем.

— Что зависла? — спокойно спросил он, отрезая себе кусочек ножом, и медленно, глядя мне в глаза, отправил его себе в рот. — Вегетарианка?

Да, именно. Я не питаюсь тушками убитых животных.

— Серьезно? Ну, придется тебе начать есть мясо.

— Зачем вам это надо? — не удержалась и спросила его.

— Чтобы знала, что ты будешь делать все, что я скажу. Даже если до этого никогда не делала.

Хмуро уставилась на него. Гор продолжал как ни в чем не бывало есть свое мясо, которое в самом деле оказалось с кровью. Как зверь. Как Хищник.

— Что сидишь? Сейчас будем изгонять из тебя вегетарианку, — сказал он, отпив вина из бокала, стоящего рядом с ним. Такой же налили и мне, но я к алкоголю не притронулась. — Открывай свою тарелку и ешь.

Я смотрела на него, широко распахнув глаза. Он надо мной откровенно издевался.

— Открывай крышку и ешь, — повторил он, и вилка в его руке сжалась так, что под кожей проступили вены.

Я не отвечала, просто продолжала сидеть молча, сжимая свои колени холодными пальцами.

— Я не буду есть мясо, — негромко ответила я, продолжая настырно смотреть на свои ноги.

— Ну, хорошо, — внезапно согласился он, и я даже осме-

лилась опять взглянуть на него, чтобы проверить, действительно ли он не собирается меня заставлять.

Воображение уже услужливо нарисовало картины того, как он, удерживая мёртвой хваткой мои волосы, запихивает это мясо в мой рот, кусок за куском, пока ничего не останется на тарелке. Только кровь. Что-то мне подсказывало, что он и на это способен, и лучше его не злить.

— Решай сама. Или ты ешь это мясо, или я тебя возьму прямо сейчас, на этом столе.

Что?

Я перестала дышать, а сердце остановилось.

Что он сказал?

Я смотрела в эти карие глаза и не могла поверить, что он в самом деле ЭТО сказал и собирается сделать. Я не понимала, как реагировать, просто тяжело дышала и опустила глаза на железную крышку, под которой томилось злосчастное мясо, будто оно одно во всем виновато.

— Ты меня слышишь, Ясмин? — вкрадчиво спросил он. — Это будет грубо и жёстко. Или ты начинаешь есть мясо прямо сейчас, при мне, или я сделаю это. Ты мне понравилась, я не против потерзать тебя пару часов. Все равно за тобой никто не приедет.

И я испугалась. Короткого взгляда на него хватило, чтобы увидеть, как он напрягся всем телом, словно приготовившийся к прыжку тигр. Дрожащей рукой сняла крышку, взяла в руки нож и вилку, от волнения даже перепутала, какой

рукой что брать, потом поменяла и стала нарезать в полной тишине стейк. Перед тем, как отправить первый кусок в себя, снова замерла на мгновение.

— Ясмин, ешь, сказал, — снова прозвучал его приказ, полный холодной ярости. — Я теряю терпение.

Я положила кусочек в рот и начала медленно жевать. Вегетарианкой я стала не очень давно, и вкус мяса мне знаком, конечно. Больше было обидно, что сейчас он ломает мои принципы, заставляя есть это несчастное животное. Прости меня, зверушка. Тебя спасти уже поздно, а меня еще можно попытаться спасти.

Хищник наблюдал за мной, словно я делала нечто необычное и красивое, то, что завораживало его. Как будто бы он получал какое-то звериное наслаждение от этого зрелища, в котором я отрезала небольшие кусочки, накалывала их на вилку, размыкала свои губы, отправляла мясо в рот и тщательно пережевывала.

Периодически соус, в котором было приготовлено мясо, попадал на губы, и я невольно облизывала их. Хищник ловил эти движения с ещё большим азартом и интересом. Я не хотела, чтобы он ТАК смотрел на мои губы, но совсем не шевелить ими я не могла. Старалась чаще использовать салфетку и мечтала, чтобы это проклятое мясо кончилось наконец. Вкуса не ощущала, оно мне казалось никаким и резиновым, я просто хотела уже его доесть.

Когда был съеден последний кусок, я отложила в сторону приборы и снова уставилась на свои колени. Смотреть на него сил нет.

Не хочу.

Неприятно.

— Ты всегда должна быть со мной послушной и податливой,— сказал он мне, снова пригубив вина. — Встань, хочу на тебя посмотреть получше.

Сглотнула противный ком в горле и попыталась унять слезы. Они ему точно ни к чему. Хищник меня не пожалеет. От его оскорбительных просьб я чувствовала себя продажной женщиной.

— Я сказал, встань, — долетел до меня снова ледяной голос, и я вздрогнула. — В последний раз я повторяю тебе, и больше предупреждений не будет. Будут действия. *ВСТАНЬ*.

Поднялась с кресла на ноги, продолжая смотреть куда угодно, только не на него.

— Повернись.

Я снова исполнила очередной приказ и повернулась вокруг себя один раз.

— Да, — вынес мне вердикт он, откинувшись на спинку кресла. — Хороша. Сексуальна. Ты вполне замолишь грехи и за отца, и за жениха.

Испуганно посмотрела на него. Неужели это правда — меня не заберут отсюда?

— Почему вы сказали, что никто за мной не приедет? —

сдавленным голосом спросила его.

— Так и есть, — ответил мужчина и тоже встал. — Никто не приедет.

Он остановился напротив меня на расстоянии вытянутой руки. Гор намного возвышался надо мной, его взгляд и тепло тела давили на меня словно физически. Мне было невыносимо находиться рядом с ним. Во мне уже начало зарождаться к нему тяжелое, разрушающее меня саму изнутри чувство — ненависть.

— Плохие новости, — продолжил он говорить. — Твой жених не готов за тебя платить.

По спине пробежал липкий холод. Как же так? И что теперь?

— Позвоните отцу, он отдаст выкуп вам.

— Твой отец давно разорён. Он продал тебя твоему жениху, чтобы поправить свое финансовое положение. Но свадьба не состоялась и сделка тоже. Денег у него нет.

— И что теперь со мной будет? — спросила я и по одному взгляду, хищному, цепкому, острому, все поняла ещё до того, как он ответил.

Он подошёл вплотную, горячее дыхание обожгло мою шею, заставляя задрожать.

— Теперь ты принадлежишь мне, — большие руки сжали мою талию. — И эта мысль мне нравится.

7.

Невольно уперлась в его грудь руками. Я не хочу его, никогда не приму.

— Я принадлежу своей семье, не вам!

— Уже нет. Теперь ты принадлежишь именно мне.

— Я даже имени вашего не знаю, как я могу с вами...лечь в постель? — Бороться с ним я устала, силы оставляли меня. Он лишь потешался над моими попытками избавиться от прикосновений его рук.

— Оно тебе и ни к чему. Зови меня "Хозяин" или "Господин".

Посмотрела в его глаза. Очередная издевка? Очень весело.

— Вы слишком много на себя берёте.

— А ты слишком много болтаешь. Ты здесь не для этого.

Всхлипнула от страха, когда мужская рука пробралась в мои волосы и с силой сжала их у самых корней, зафиксировав мою голову в одном положении. Вторая рука продолжала удерживать моё рвущееся в сторону тело. Его жёсткие губы оказались очень близко к моим и уже обжигали их горячим дыханием. Сердце отбивало рваный, бешеный, неправильный ритм. Я не хотела, чтобы этот человек меня целовал, но я бессильна что-либо сделать. Я просто пленница в этом доме, я пленница его рук.

В кармане брюк Гора зазвонил телефон. Отпустив мои волосы, он вынул смартфон и нажал кнопку "принять вызов". Зажал между ухом и плечом аппарат и стал слушать.

— Да, эти документы нужно прислать мне немедленно. Как только исправите ошибку. Мне плевать, сколько времени вы уже там сидите, я жду документы.

Пальцами освободившейся руки он провел по моему лицу, и я вздрогнула. Чужое прикосновение не хотела принимать и отвернулась от него. Тогда жёсткие пальцы насильно повернули мой подбородок на себя. Глаза я так и не подняла, продолжая смотреть куда-то на его рубашку. Пальцы другой его руки скользнули по моим губам, вызывая новый приступ дрожи и паники. Вот так просто он взял и нарушил все границы. Я не могла отвернуться и избавиться от этих пальцев, вынуждена терпеть эти касания с откровенным сексуальным подтекстом.

Вдруг он надавил большим пальцем сильнее, заставив губы разомкнуться, и я почувствовала на своем языке вкус соленоватой кожи. Задержалась ещё сильнее, но мне не по силам справиться с таким медведем. От ощущения безнадежности и собственного бессилия снова начала всхлипывать и ронять ему на рубашку слезы.

— Хорошо, я сейчас подъеду. И не дай бог, не будет результата, а вы выдернули меня из дома среди ночи. Накажу всех.

Он завершил звонок и перехватил телефон. Убрал его в

карман брюк и снова посмотрел на меня.

— Рандеву отменяется, — сказал он. — Сегодня ты остаешься невинной. Но скоро я приду снова.

Зажмурилась, увидев, что лицо Гора приближается опять. Но он не стал меня целовать. Губ коснулся кончик его горячего языка, и я замерла на месте. Он провел им по нижней губе, потом переместился на верхнюю. Он облизывал мои губы! Проведя по губам несколько раз языком, он отпустил меня и ушёл, снова закрыв дверь на ключ.

Обхватила себя руками, пытаюсь унять нервную дрожь. Эти прикосновения и грубые объятия все ещё блуждали по моему телу, словно он продолжал бы меня касаться.

Я знаю, почему он ведёт себя так нагло, словно он мой Хозяин. Не зря он попросил меня называть его именно так. Он и есть мой хозяин. Его дом станет для меня последним пристанищем. Колыбелью гибели. Если мои родные не заберут меня отсюда сами, то откажутся от меня. Они слишком консервативны. Они не примут меня, побывавшую в доме Врага. В постели Врага. Если этот человек лишит меня невинности, мне не только не следует возвращаться домой, но и даже опасно. Братья мне не простят. Отец не простит. Они все откажутся от меня.

Но почему же отец не нашёл денег? Неужели Гор назвал неподъемную для нашей семьи сумму? Но ведь можно продать дом, драгоценности, взять кредит... Отец ничего из этого не смог осуществить? Он не готов на подобные жертвы

ради меня, или Хищник ставит слишком короткие и невыполнимые временные рамки?

А Самир? Он ведь бизнесмен, и не бедный. У него тоже нет денег и возможности меня вызволить из беды? Похититель сломает мою жизнь. Сломает меня...

А что если... Если Гор просит не деньги, а что-то сделать для него, чего не могут ни Самир, ни отец? Или не хотят делать. Тогда я действительно останусь здесь и стану *его* игрушкой. Пока не надоем. А потом...

Потом известно что. Бандит не сжалится и не станет сохранять мне жизнь. Я жива столько, сколько не надоедаю ему... Если я хочу жить, то должна подчиняться и делать все, что он скажет...

Нервно заходила по комнате, сжимая ледяные пальцы в кулаки. Я только сама себе могу помочь. Только от меня самой зависит теперь отношение ко мне хозяина дома. Но как я смогу переступить через себя? Позволить ему прикасаться, позволить лишить себя невинности?

Заниматься с ним любовью?

Нет.

Я не могу.

Не хочу.

От одной мысли об этом начинало трясти снова.

А нужна ли мне такая жизнь, где я всеми предана и отвергнута своей семьёй, хотя ни в чем не повинна?

Для чего мне её сохранять ТАКУЮ?

Дурацкий инстинкт самосохранения не даёт мне пустить все на самотек и попросить для себя смерти. Тем более я вовсе не уверена, что похититель согласится на это.

Потому что я ему понравилась.

Я ощущала и без слов его нескрываемый интерес и читала горячее желание в глубине тёмных глаз. Сначала он меня будет мучить и развлекаться, пока не пресытит свою неуёмную похоть, а потом уже убьёт.

Но все же смерть станет мне избавлением. Это лучше, чем открывать глаза каждое утро и жить после того, как он разрушит мою жизнь, полностью подчинив себе. Да он уже её разрушил. Я не выйду отсюда живой, невредимой и невинной.

Где-то в глубине души все равно жила на последнем издыхании надежда, что отец сможет решить вопрос с долгом Гору. Она все таяла и таяла, но все ещё теплилась, как последние угольки затухающего костра. Я не могла поверить, не могла принять, что никто не станет меня спасать от гибели в руках этого демона.

Демон... Подходит ему. В нем нет души, нет сердца. Ему неважно, что я не люблю его. Он просто хочет взять своё.

Демон. Хищник. Гор.

ГОР...

Застыла на месте, расширив глаза, словно мне за шиворот ледяной воды плеснули.

Вспомнила!

Я вспомнила это прозвище, и где я его слышала.

От отца. Я несколько раз слышала урывками его разговор и с Самиром, и с другими предпринимателями и партнёрами о том, что какой-то Гор ему палки в колеса постоянно вставляет и мечтает разорить. Я ещё тогда не поняла, что бы ему могло понадобиться от отца, ведь, как я услышала, Гор очень грязно и беспринципно играл против него. Он называл его плохими словами и винил во всех бедах семейного бизнеса в последнее время.

Гор прав. В последний год мы уже не живём с тем размахом, который был раньше. Папа говорил, что у него трудности в бизнесе. Но мы и подумать не могли, что все настолько серьёзно, и мы на пороге разорения. Отец не хотел нас расстраивать, наверное. А теперь правда открылась вот таким путем, от совершенно постороннего человека, которого я боюсь и презираю.

Легла на кровать и завернулась в плед. Осознание, к какому человеку я угодила в лапы, мне не помогло подняться духом. Наоборот. Стало ещё больше тяготить и давить на уже изрядно пошатнувшуюся психику.

Плечи мои трясло от рыданий.

Я так мелка перед ним. Я ничего не стою против обстоятельств. Моя жизнь обесценена. Я беспомощна. Я ничего не могу. И все это ради проклятых бумажек с водяными знаками. Деньги важнее людей.

Утерла слезы и собралась в комок.

Значит, отец все же в чем-то виноват перед этим Гором, раз он пошёл на такой радикальный шаг, как похищение. Всё произошло очень быстро и гладко – как по маслу. Наверняка он планировал это похищение заранее и знал о предстоящей свадьбе.

Почему я стала мишенью?

Почему я расплачиваюсь за долги отца?

При чем здесь Самир?

Что же они все не поделили, что дошло до войны, в которой воюют мужчины, а страдаю я?

Столько вопросов, и все без ответов...

8.

Несколько дней ко мне опять никто не заходил, кроме прислуги. Я вздрагивала каждый раз, когда замок открывался. Ждала и боялась, что он придёт снова меня мучить. Но, видимо, мой мучитель был слишком занят важными делами, и до меня ещё не дошла очередь.

Дни, словно близнецы, были похожи друг на друга. Одно и то же расписание каждый день: завтрак, обед, ужин и между ними бестолковое наворачивание кругов по спальне или бесцельное щелканье пультом по каналам телевизора.

Я начинала постепенно сходить с ума в четырёх стенах. В спальне даже не имелось балкона, чтобы я просто могла подышать свежим воздухом. Мне уже периодами казалось, что стены и потолок едут прямо на меня, вызывая клаустрофобию и испарину на лбу. Во время таких приступов паники и психологических атак я укрывалась пледом с головой и рыдала, пока силы не оставят меня, и я не забудусь тревожным сном.

Я стала тенью самой себя за дни плена. Лицо осунулось и похудело, обрело цвет восковой куклы. Краски с губ и щёк куда-то ушли, делая меня ещё больше похожей на неживую статую. Я уже забыла, как улыбаться, и будто резко постарела.

В кого ты превратил меня, Гор?

Ты меня сломаешь, *Чудовище*.

Ближе к вечеру, после ужина, мне неожиданно принесли новое платье, даже с бирками бутика, в котором оно и было приобретено. Сабира, как всегда без единого звука, положила его на кровать.

— Это для чего? — спросила я, подойдя ближе.

Она достала из кармана фартука белый конверт и протянула мне. Я машинально забрала его и с подозрением уставилась на него, будто бы там, внутри, могла быть как минимум какая-то страшная оспа. Сабира кивнула мне и ушла, не забыв закрыть дверь на замок.

Достала из конверта небольшой листок, в котором содержалась записка от руки. Послание от него, Хозяина. Даже почерк у него острый, резкий, с сильным нажимом и крупными буквами.

"Жду тебя в своём кабинете на разговор через пятнадцать минут", — гласила записка.

Времени очень мало, но и я не собираюсь краситься и завивать локоны для него. Даже причесываться не буду. Чем хуже выгляжу — тем меньше у него будет желания меня терзать.

Отложила в сторону записку с конвертом и оглядела более внимательно принесенное мне платье. Довольно простое и лаконичное платье-карандаш, с потайной молнией на спине, без излишеств. Для домашней носки это, пожалуй, слиш-

ком. Но, видимо, Хищник любит лицезреть исключительно все красивое, и даже мой "домашний" вид должен быть таким, словно я только что пришла с фотосъёмки на обложку модного журнала.

Усмехнулась про себя.

То есть когда я просила предоставить мне одежду, он меня просто прокатил с моей просьбой. А когда понадобилось, чтобы я прошла по дому на виду у охраны и прислуги, то платье сразу же мне прикупили.

Понятно. Интересно, оставит он его мне или прикажет своей собачке Сабире забрать его, как халат тогда? Уверена, это его рук дело, иначе халат бы вернули после стирки.

Сняла рубашку – единственную одежду, что имела у меня, – и облачилась в платье. Короткое, выше колена, я такую длину не ношу. Но я вовсе не удивилась, даже криво улыбнулась отражению в зеркале. Белые чулки, на которых я непонятно каким чудом ещё не наделала миллион затяжек, предпочла снять. Слишком вульгарно они смотрелись с коротким и облегающим фигуру платьем.

Немного растерялась, что стою одетая, но босая. По коридорам дома не хочется идти так, но никакой обуви мне не принесли. Потом вспомнила, что мои белые свадебные туфли так и стояли в шкафу, их никто у меня не забирал. Хищник хочет, чтобы я обулась в шпильки? Ну хорошо, пусть будет так. Не босой же идти к нему, в самом деле?

Достала белые классические "лодочки", обулась и пошла

к двери. Прежде чем схватиться за ручку и опустить её вниз, остановилась, чтобы перевести дыхание и попытаться унять бешено бьющееся в груди сердце.

Меня начинало трясти лишь от одной мысли, что сейчас эти тёмные хищные и порочные глаза снова будут смотреть на меня, а сильные руки с ярко проступающей сеткой вен снова будут меня касаться и прижимать к горячему и твёрдому прессу. И не только к прессу... Но тянуть смысла нет, иначе, если я опоздаю или не приду, он ворвётся сюда сам и разнесет все.

Варвар.

9.

— Входи, — услышала я холодное разрешение, после того как нерешительно постучала в дверь кабинета Гора.

До кабинета меня как под конвоем вели двое молодых се-кьюрити, они и сейчас стояли глыбами у меня за спиной. Нажала на ручку двери и толкнула её. Переступила порог, и дверь тут же захлопнулась за мной.

Подняла глаза и встретила с тёмным взглядом мужчины за большим столом.

— Подойди, — властно потребовал он.

Я осторожно дошла до его стола и снова остановилась, собрав от волнения пальцы в замок. Чтобы не было заметно, как они сейчас дрожали. Больше ресниц не поднимала и ждала.

— Садись.

Присела в кресло. Напряжённая спина, холодные пальцы до боли впиваются друг в друга.

— Узнаешь эту вещь? — спросил он, и я подняла глаза.

В руках Гора был паспорт в развороте. Мой паспорт. Он у него... Он забрал сумку у сестры, когда его люди вытаскивали меня из свадебной машины в день похищения.

Я находилась в его доме уже неделю и ждала, когда отец или мой несостоявшийся муж заплатят этому варвару, кото-

рый не позволил даже доехать до ЗАГСа. Он просто похитил меня и заявил свои права. Я толком ничего о нем не знала и никогда не видела его до того, как оказалась здесь. Только прозвище — Гор.

— Узнаю, — ответила я.

— Эта вещь будет находиться у меня. Теперь он мой, как и твоя жизнь, Ясмин.

Гор убрал книжечку в сейф, заблокировав его кодом. Я лишь проводила его печальным взглядом и закусила губу. Что мне оставалось делать? Не драться же с ним за свое удостоверение личности? Даже если я каким-то образом его и отвоюю, то все равно далеко с ним не убегу. Ощущение, что я рабыня, больно укололо самолюбие.

— Теперь о твоих функциях в этом доме, — он откинулся на спинку модного кожаного кресла. — Для начала приведи себя в порядок. Завтра к тебе приедет стилист. Ты должна быть красивой для меня.

Я лишь изогнула одну бровь, продолжая смотреть на свои пальцы рук. Хочет, чтобы Кукла была для него желанной и прелестной. Это понятно. Когда кто-нибудь спросит уже меня, чего хочу я? Только не ОН.

— Ты меня слушаешь?

— Да, — лаконично ответила я.

— Вечно пялишься не пойми куда. Как со стеной говорю.

У нас так принято в семье. И ещё я не хочу смотреть на тебя, Гор. Нет ни малейшего желания видеть твоё жестокое

лицо, бандит и похититель людей. Я снова ничего не ответила.

— Ты будешь проводить со мной ночи и подаришь мне наследника.

"Бух. Бу-бух. Бух", — сердце билось все громче, отдавая эхом в голове.

Наследника? Я не ослышалась?

Теперь я подняла глаза на него и внимательно посмотрела. Не может быть, что он серьёзно. Сначала организовал моё похищение, требовал выкуп у семьи и жениха, держал здесь в плену, а теперь он хочет использовать меня как живой инкубатор?!

— Что так смотришь? — спросил он. — Твой отец и жених невернули мне то, что взяли без права. Значит, придёт-ся возвращать тебе. Я думаю, сын, подаренный тобой врагу семьи — будет самым лучшим наказанием и уроком и для твоего жениха, и для твоего отца.

Продолжала изумленно хлопать ресницами.

Да он болен! Не может нормальный человек такое просить. Ему лечиться надо. Где же ты, отец? Почему так и не приехал за мной? Неужели деньги важнее моей жизни? Я же в плену у самого настоящего психопата!

— Я не буду спать с вами, — сказала я, глядя ему в лицо.

Он лишь хрипло рассмеялся в ответ.

— Выбора у тебя нет, ты разве ещё не поняла? Я всегда получаю то, что хочу. Придёшь сегодня ночью – сама, в мою

спальню.

— Я не... Не приду.

Боялась его до ледяных пальцев. Но я буду бороться за себя до самого конца. Пусть лучше убьёт, но этот бандит не получит ни меня, ни ребёнка от меня. Тем более, что для него все это просто месть и забава. А мне теперь терять и вовсе нечего.

Холодные глаза сузились и остановились на моем лице. Гор медленно встал и походкой хищника обошёл стол. Мужские пальцы неласково сжали мой подбородок и заставили смотреть ему в глаза и слушать. Голос проникал глубоко под кожу и звучал прямо внутри меня.

— Значит, я тебя сломаю. Выбирай сама.

Я молчала, все больше покрываясь льдом изнутри. Возможно, эта ночь последняя в моей жизни. Потому что я просто ему не дамся, а он... Просто убьет меня в ответ.

Последняя ночь. Ночь с хищником.

— И решать тебе это придётся прямо сейчас.

Он сказал это и потянул меня за руку, заставив встать. Властным движением обвил руками мою талию и тесно прижал к своему крепкому, сильному, напряжённому и очень горячему телу. Не успела ничего даже подумать, как его жёсткие губы накрыли мои в требовательном поцелуе. Он вынудил меня раскрыть губы, помогая себе рукой и опуская мой подбородок ниже, чтобы затем ворваться в мой рот своим влажным и жадным языком. Пальцы Гора легли на мою ногу

и поползли вверх, к бедру, поднимая и сминая ткань платья.

Меня накрыла слепая ярость. Мне стало все равно, что он сделает со мной. Осторожность забыта, а инстинкт самосохранения, который я так много раз ругала, наконец дал сбой. Я просто хотела уничтожить, хотела рвать его тело на маленькие кусочки, причинить ему боль. Подняла руку, собрала пальцы на манер кошачьей лапы и с наслаждением провела свежим предсвадебным маникюром по его небритой щеке, от души вдавливая острые ногти в теплую плоть. По пальцам заструилось нечто горячее и густое. Кажется, местами я разодрала ему кожу очень сильно.

Мужское тело напряглось. Поцелуй прервался. Тёмные глаза уставились на меня. Люто. Яростно. Смертоносно. Теперь хищник порвёт меня. Его очередь.

В несколько секунд одним резким движением руки все было снесено со стола. Бумаги, письменные принадлежности и даже ноутбук дешевой марки полетели на пол. Гор схватил меня и забросил на этот широкий стол, перевернул на спину и грубо растолкал в стороны мои колени.

Дрожащие руки, которые отчаянно пытались бороться с ним, Хищник свёл над головой и пригвоздил к крышке стола одной огромной пятернёй. Пошевелиться я не могла под натиском и грузом его мощного тела и только тяжело дышала, ожидая расправы надо мной. Полные гнева и желания глаза смотрели в упор, не мигая, лишая меня последних остатков

разума от неконтролируемого первобытного страха. По мужественной скуле тонкой струйкой бежала кровь

— А ты хочешь пожестче, да? Чтобы прямо очень грубо? Я понял.

10.

Платье разорвал прямо на мне. Молния жалобно треснула и поддалась его сильным рукам. Жёсткие губы снова впились в мои до невыносимой боли. Я активно сопротивлялась, пытаясь избавиться от натиска, но он держал так крепко, что я лишь могла стонать от боли и плакать.

Вот и все. Сейчас меня лишит девственности на столе кабинета это чудовище без моралей и принципов. Силы начали оставлять меня, тело словно налилось свинцом, а душу затопило такое отчаяние, что, казалось, ещё немного — и я тронусь умом.

Хищник же с наслаждением целовал, ел, мял мои губы, и ему было совершенно плевать, что к нему испытываю я. Его вели животные инстинкты.

Насытившись губами, он захотел лакомиться дальше и перешёл на шею. Истерзанные губы саднило и жгло от слишком грубых поцелуев, от того, как беспощадно кололась жёсткая щетина.

Стало ещё обиднее за себя. Слезы застилали глаза так, что я видела перед собой лишь размытый силуэт. Зато прекрасно все чувствовала.

Это ведь мои первые поцелуи. И они вот такие — грубые, необузданные. Поцелуи Хищника.

— Пожалуйста, — продолжала просить надтреснутым голосом я, содрогаясь всем телом от его напора, сильной энергии и сметающего все на своём пути сексуального желания. — Давайте решим как-нибудь иначе...

Мои слова остались непоняты и утонули в новых всхлипах, когда мужская рука обхватила мягкое полушарие. Тёмные глаза смотрели на мою обнажённую грудь так, словно я — еда. Добыча Хищника. От этого взгляда кожа покрылась мурашками, а соски стали твёрдыми.

Даже это изменение моего тела он заметил. Он замечает всё. Мягко и низко рыкнув, опустил голову к одному из них. Горячее дыхание опалило нежную кожу, заставляя меня сходить с ума от страха и странных и острых ощущений. Я застыла в ожидании касания. Я не знала, чего ждать. Он сделает больно? Станет кусать? Будет меня терзать, пока не сойду с ума от боли?

Большой палец мужчины прошёлся по соску, и меня вдруг дёрнуло. Потом прошёлся ещё раз. И ещё. Мягко надавил, потом двумя пальцами немного потянул, и с моих губ сорвался рваный выдох. Вцепилась холодными пальцами в его плечи, попытавшись снова избавиться от него. Я не хочу его, не хочу это чувствовать! Не хочу это ощущать...

В ответ на мою очередную попытку сопротивления он сжал меня крепче в руках и накрыл губами один из сосков. Он целовал его. Нежно, ласково, словно приручал. Потом отпустил и перешёл ко второму, лизнув его горячим языком.

Вторую грудь кололо от мягкой прохлады после его поцелуев, вызывая ещё более крупные мурашки по телу.

На время я выпала из реальности и сосредоточилась на этих ощущениях. Они слишком острые, новые и неизведанные для меня. Я не могла их игнорировать. Значит, вот как это — быть с мужчиной. Сумасшедшие эмоции... Но если бы я все это позволила, если бы все это не было силком...

Опять расплакалась и попробовала не дать ему целовать свою грудь.

— Дайте мне время.

— Нет, — услышала в ответ однозначное слово. — Ты меня разозлила.

Во внутреннюю сторону бедра врезался член, выпирающий из брюк. Я испугалась ещё сильнее, чуть не теряя сознание от понимания, что сейчас он вгонит его в меня.

Платье треснуло по швам на моих бёдрах, когда он развёл мои ноги ещё шире, чтобы устроиться самому между ними. Его член упирался в мой клитор, заставляя меня трястись ещё сильнее. Даже через ткань брюк и своего белья я очень чётко его ощущала. Губы дрожали, пока я испуганно смотрела на него и понимала, что я обречена. Он не пожалеет.

Гор подхватил мои ноги и закинул себе за спину, проведя горячими пальцами по моему бедру. Касание почти нежное. Как он может быть... таким? У меня шёл полный разрыв

сознания от его поведения — то грубого, то почти ласкового. Несколько поступательных движений в мою промежность через брюки, и Хищник тяжело задышал.

— М-м... Чёрт, — рычал он.

Неожиданно он отпустил меня и встал. Отошёл на несколько шагов и отвернулся.

— Прикройся.

Дрожа всем телом, я свела ноги вместе и села. Попыталась прикрыться лоскутами, которые ещё недавно были платьем. От непрерывных рыданий болела голова и началась икота.

Осторожно посмотрела на его широкую спину. Он... Передумал? Решил отпустить, или это какая-то странная передышка?

— Знаешь, почему я тебя не стал трахать?

Нервно сглотнула от его грубых слов. Но, кажется, мне придётся привыкать. Он не станет обращаться со мной как с принцессой, ведь я — невеста врага и дочь врага.

— Почему? — спросила я, боясь, что он передумает снова.

— Потому что ты девственница. И ты меня взбесила. Я могу потерять контроль, — спокойно отозвался он.

По спине пробежала капелька пота. Господи, какие же ужасные вещи говорит этот человек! Разве можно заниматься сексом так, чтобы девушке причинить вред? Видимо, можно. И моё счастье, что он решил сегодня меня не трогать.

Гор обернулся, пригвоздив меня к столу ледяным взглядом.

— Но скоро я тебя лишу невинности. И буду тебя иметь столько, сколько захочу. Ты будешь стонать подо мной, кончать, тебе понравится, и ты будешь себя за это ненавидеть.

Я опустила глаза, снова решив отмалчиваться. Я и не знала, что можно на это сказать. Таких выражений в свой адрес я ни от кого не получала.

— И имей в виду — сопротивление заводит ещё больше, — добавил он, но снова не получил от меня никакого ответа.

Я не знала, нужен ли он ему вообще, или его устраивало, что говорит здесь только он?

— Я ещё возьму с тебя за это, — он указал на свежие царапины на лице и сузил тёмные глаза. — По полной.

Гор вдруг прошёл к двери и распахнул её.

— В подвал её.

11.

Куда? В подвал? Здесь есть подвал? Мои глаза расширились от ужаса. В голове сразу же всплыли картинки и кадры из фильмов про темницы средневековья. Только плен этот — не фильм, а моя жизнь.

— Хотя стоп.

Он захлопнул дверь перед самым носом парней. Он изменил свое решение?

Обернулся ко мне и прошёлся взглядом по платью, которое сам же и разорвал на куски, и я безнадежно пыталась им прикрыться. Ушёл куда-то на время через дверь, ведущую, вероятно, в его спальню прямо из кабинета. Я молча ждала, так и не решившись и шага отступить от стола. Дрожа, обнимала свои плечи руками, закрывая грудь.

Гор вернулся и принёс с собой белую рубашку. Опять свою. Он дошёл до меня и остановился. Молча протянул её мне.

— Переодевайся.

Забрала принесенную мне вещь и застыла на месте, ожидая, что он отвернется хотя бы.

— При мне.

Выбора не оставалось. Отложила в сторону рубашку. Неловко стала стягивать с себя остатки платья. А он смотрел. Ловил каждое моё скованное движение. Он наслаждался моим робким и вынужденным стриптизом, в то время как я сгорала от стыда.

Освободилась от лоскутов ткани и положила их на край стола. Потянулась за рубашкой и развернула её.

— Шикарное тело, — сказал он низким голосом. — Ты очень красива.

Его комплименты скорее меня злили, чем радовали, но я в очередной раз смолчала. Облачилась в рубашку и застегнула все пуговицы, одну за другой.

— Только строптивая оказалась. Надеюсь, подвал тебе запомнит, с кем ты общаешься, — продолжил он, и я нервно сглотнула.

Снова в уголках глаз собрались слезы. Я не хочу в подвал.

Я же живой человек, ну как так можно поступать со мной?
А если там есть...ох, крысы?

Гор вернулся к двери и второй раз её распахнул:

— Ведите.

Меня привели в подобие недостроенной комнатки, которая находилась на минус первом этаже коттеджа. Подземная парковка прямо внутри него, меня провели через неё и грубо пихнули внутрь комнаты, или даже, скорее, камеры, так, что я не удержалась на ногах и шмякнулась на задницу прямо на холодный бетонный пол.

Дверь с лязгом закрылась. Я окинула её хмурым взглядом и поднялась с пола. Здесь было довольно холодно. Босые ноги тут же остыли и стали отдавать тепло бетону. Так и простыть недолго или подхватить воспаление.

В углу у стены стояла лавка. Без матраса. Но зато она деревянная и не будет тянуть из меня жизнь и тепло. Мне придётся постоянно сидеть или лежать на лавке, чтобы не получить проблем со здоровьем. Впрочем, если он решил держать меня здесь слишком долго, то проблемы в любом слу-

чае начнутся.

Забралась на неё и попыталась улечься поудобнее. Но как ни ложись — жёстко, холодно, противно. Как камера в колонии какая-то. Бетонные стены и пол, очень ограниченное пространство, которое давит, отсутствие элементарного одеяла. Всё сильнее и сильнее ко мне подступала истерика.

Я не знала, сколько времени провела уже в этом подвале. Без какого-либо ориентира по времени невозможно что-то понять. Здесь даже нет окна, чтобы увидеть, светло или темно сейчас.

Это тяжело. Это угнетает. Когда ты не знаешь времени, не понимаешь, сколько уже тут сидишь и сколько ещё придётся. Когда этот жестокий человек захочет сжалиться надо мной и позволит выйти? Может, и никогда. Может, он хочет, чтобы я тут ссохлась вовсе и умерла, никому не нужная и всеми забытая.

С другой стороны, так даже лучше. Я не желаю его видеть. Он снова будет надо мной измываться и трогать в интимных местах. Я боялась, что он придёт.

Только тесных помещений я долго не могу выносить, и у меня начались панические атаки. Одежала, чтобы завернуться с головой и спрятаться, у меня нет, поэтому в особенно тяжёлые моменты я просто собиралась в комок на жёсткой лавке, обнимала свои колени и лежала с закрытыми глазами. Заставляла себя думать, что мне тепло, уютно, мягко. Что я дома, а не в плену этого чудовища. Что папа приехал за мной, отдал этому бандиту выкуп, который он так бессовестно требует теперь и у меня, и увезет меня домой, к братьям, к любимой младшей сестре.

Но все равно приходилось временами глаза открывать и возвращаться в ужасную бетонную реальность, чтобы удовлетворить свои физические нужды или поесть то, что мне приносили на подносе. Еда стала скудная и простая. Гор наказал меня и едой.

За все время мне принесли пищу только несколько раз. Значит, не так уж долго я и сижу тут, просто здесь время ощущается иначе. Тянется, словно тоже насмехается надо мной, как хозяин этого подвала.

Забылась тревожным сном, когда услышала лязг двери. Железные замки так сильно гремели по тёмному помещению с хорошей акустикой ввиду отсутствия отделки стен и мебели, что я каждый раз подскакивала, словно лавка вдруг ста-

новилась обжигающе горячей. И в этот раз я резко открыла глаза и села в самый угол, пытаюсь понять, кто пришёл. Еду мне уже приносили, значит, это...

Перетрясло. Тёмные беспощадные глаза уставились прямо на меня. Гор. Пришёл посмотреть на меня и на результат своего наказания.

— Как дела? — спросил он. — Понравился тебе мой подвал?

Глянула на него недобрым взглядом. Что он спрашивает очевидные вещи? Снова просто измывается.

— Вижу, что НЕ понравился, — хрипло усмехнулся он. — Хочешь выйти отсюда?

Я снова остановила на его лице подозрительный взгляд. Здесь явно какой-то подвох, но вдруг он позволит вернуться в свою комнату, если скажу, что хочу?

— Хочу.

— Но ты ещё не извинилась, девочка.

— Извините, — пробурчала себе под нос.

Он сам виноват! Никого нельзя принуждать к чему-либо.

— Не так, — снова глухо рассмеялся он. — Слова тебе уже не помогут.

12.

Он подошёл ближе ко мне, сидящей на лавке, и поднял мой подбородок, опять заставляя смотреть на него. Большой палец лёг на мои пересохшие от страха губы. Я тяжело дышала, вздымая грудь и невольно привлекая внимание тёмных глаз к ней. Когда он подходит ко мне — это всегда заканчивается плохо.

— Твои губы ведь никто пока не трахал, Ясмин?

Ответ ему не требовался. Он задал этот вопрос лишь с одной целью — унижить меня. И напугать. Он развёл мои губы пальцем, проникая внутрь и касаясь языка. Я вздрогнула и еле поборола желание убрать его руку. Он все равно возьмёт, мне его не победить.

Его палец входил в мой рот все глубже и выходил из него, имитируя секс. Глаза Хищника загорались желанием по мере того, как его большой палец становился все более влажным от моего языка.

— М-м, — недовольно замотала я головой, пытаюсь уйти от этого процесса.

— Куда? — вернул он меня рукой обратно в то положение, которое ему было бы удобно. — Расстегни рубашку. Хочу видеть твою грудь.

Снова тяжело задышала. Он что, собрался заниматься со мной сексом прямо здесь, в подвале? На этой жёсткой лав-

ке? Хотя какая разница, где это чудовище лишит меня девственности? Даже если это случится на Багамах, мне от этого легче не станет.

— Расстегивай, — рыкнул он и натянул край ворота так, что нитки треснули в его руке.

Судорожно стала вынимать непослушными пальцами пуговицы из петель. Опустила руки, когда пуговиц больше не осталось. Рубашка повисла на моих плечах и разъехалась в стороны, открывая жадному мужскому взгляду мою грудь и живот.

— М-м, — простонал он, взял обе груди в ладони и сжал их.

Он смотрел на них, гладил, задевая соски, и моё дыхание против воли тоже сбивалось. Касания груди снова нежные, и они находили во мне отклик несмотря на всю эту ситуацию.

Бряканье бляшки ремня и звук расстегивающейся молнии. Прямо возле моего лица оказался мужской член. Его член. Я не хотела смотреть, но и перевести взгляд не получалось, потому что я прекрасно понимала, что сейчас ЭТО окажется у меня во рту. Я не знаю, какие ещё бывают члены у мужчин, но этот явно не из маленьких... Хотя лучше бы у него был стручок, который точно меня бы не порвал.

Его орган налился до отказа и выглядел очень напряжённым. Ему явно необходима разрядка, венки очень чётко проступали на бархатной коже. Головка уже довольно сильно набухла. Гор еле сдерживал свои желания.

— Ты меня завела, девочка. Придётся тебе помочь мне остыть. Если не хочешь лишиться девственности на этой жесткой лавке прямо сейчас. Бери.

Завертела отрицательно головой, но мой подбородок опять поймали властные длинные пальцы, а губ коснулась головка члена.

— Будешь послушной — не заставлю глотать.

Мои глаза стали ещё шире. Я поняла, о чем речь, хоть и не делала ни разу минет. Он кончит мне в рот и вынудит глотать его сперму, иначе я просто не смогу дышать.

По моим щекам бежали слезы. Не переживу такого унижения.

— Что такая несмелая вдруг стала? — спросил он. — Лицо когда царапала, была смелее.

Я разрыдалась еще громче.

— Простите меня! Не заставляйте... Это слишком. Яне буду больше вас...трогать.

— Ненавижу плачущих женщин, — сморщился он, застегивая штаны обратно. — Не возбуждает совершенно. Но в следующий раз я наплюю и на это. Ради дела. Поняла?

Он снова задрал мой подбородок на себя, чтобы увидеть, усвоила ли я урок.

— Д-да. Поняла.

— Извинения приняты. Теперь ты можешь вернуться в свою комнату. И имей в виду — это всего лишь маленькая отсрочка неизбежного.

13.

После того, как я переоделась в принесенный мне халат, меня повели по коридорам и лестницам дома. Но привели не в ту комнату, где я жила, а в другую. Одного взгляда в открытую для меня дверь хватило, чтобы понять, что это ЕГО спальня. Но зачем меня приведи сюда? Он хочет продолжения прямо сейчас? Пальцы закололо от волнения и страха, однако в самой же комнате никого не оказалось.

— Иди, — подтолкнули меня в спину и заставили зайти внутрь, захлопнув дверь.

И что я тут должна делать? Огляделась вокруг. Эта спальня ещё больше и просторные, чем та, в которой я спала до этого. Тона нейтральные, но тёмные или коричневые. Чувствуется мужской стиль и вкус, мне же здесь довольно неуютно. А самое главное, я не понимаю, зачем он сказал привести меня сюда. Я очень переживала, что он сейчас потребует секса.

Нервно заходила по бежевому паласу. Я совершенно не готова сейчас на это. Да я вообще к этому не готова. Не с ним. Не с моим похитителем, который разрушит мою жизнь, если невинность я потеряю. Это моя единственная защита. Нельзя её лишиться. Мне некуда будет вернуться, даже если он меня вдруг отпустит. Семья не простит меня. Но что же я сделаю против него? Мои слова и просьбы не воспринима-

ются. Захочет — возьмёт, и я не знаю, как я это переживу и как потом жить дальше. Этот дом станет мне последним пристанищем. Моя жизнь разрушена всего за несколько дней...

А я-то думала, что знаю свое будущее, что я под защитой семьи. Закончила университет, и отец заговорил о браке. Я не была против, мне уже двадцать два, и так дали время, чтобы получить образование. Всё было предсказуемо. Уверена была, что выйду замуж, у меня появится муж, потом дети. Тихая семейная жизнь с выбранным папой мужем, как и у всех женщин нашей семьи, понятная и спокойная. Отец всегда защитит и придёт на помощь.

Но в день нашей свадьбы все изменилось в один миг, когда меня грубо вытащили из лимузина, завязали глаза и руки и привезли в этот дом. Теперь страшный человек с красивым лицом и странным прозвищем Гор требует родить ему сына. Ради мести, ради похоти, ради прихоти.

Обняла себя и подошла к окну. Темно. Поздний вечер или ночь. Времени я по-прежнему не знала, здесь почему-то часов тоже нигде не было.

Я начинала дрожать и от мысли, что буду ложиться с ним в постель, и от мысли, что забеременею и буду носить ЕГО ребёнка. Как страшный сон, самый настоящий кошмар. Выхода нет никакого, сколько бы я ни противилась, он все равно меня сломает. Я чувствую себя мухой, которую паук поймал в свои сети.

— Как тебе твоя новая комната, Ясмин? — слышала до-

вольно близко от себя и вздрогнула от неожиданности.

За своими мыслями не услышала, как он пришёл. Его энергетика такая мощная, что кажется, будто способна физически снести с места словно тайфун. Но сейчас он подкрался абсолютно неслышно. Как Хищник.

Обернулась и взглянула на него.

— Эта комната ваша? — спросила я, чтобы удостовериться в своих догадках.

— Моя, — ответил он, разглядывая меня на расстоянии вытянутой руки. Его взгляд давил на меня, хотелось уйти и спрятаться от него подальше. Чтобы не смотрел так.

— Зачем вы сюда привели меня?

— Будешь здесь жить.

ГОР.

Ясмин округлила свои зелёные глаза и залипла на мне. Видимо, ожидала чего угодно, только не этого. Но будет так, как я сказал.

— Спать, смотреть телевизор тоже будешь здесь.

— Но... Зачем? — она явно чувствовала в этом какой-то подвох.

Усмехнулся про себя. Умная малышка. Терпеть не могу глупых женщин. Раздражают.

— Хочу смотреть на тебя, — ответил ей, вперив взгляд, от которого девочка покраснела.

Как же меня смешит эта её скромность, неопытность и

даже некоторое ханжество из-за строгого воспитания семьи. Но это же и придаёт ей ни с кем не сравнимое очарование. Не скрою, когда думаю о сексе с ней, испытываю удовольствие всего лишь от мысли о нем. Давно у меня не было таких чистых, искренних девочек. Она ненавидит меня, я знаю, но ненавидит совершенно искренне, по-настоящему. А в нашем мире больших и грязных денег искренние чувства — большая редкость. Если речь, конечно, не идёт о любви к тем самым большим и грязным.

Я привык заказывать дорогих шлюх, обученных всему, что можно и нельзя, не заводя никаких отношений. Потому что мне просто это не нужно. Они обслуживают по полной, но... Слишком уж доступные. И поэтому сопротивление и борьба со мной малыutki Ясмин, похожей на героиню из мультфильма Диснея, меня так заводит. Это остро, это ново, это так красиво в конце концов. Она борется за свою честь, потому что, потеряв невинность, она потеряет *всё*.

Конечно, мне прекрасно известны нравы её семьи. Они проклянут её и откажутся от неё. Она станет никем. Я знаю, на что её обрекаю...

Жаль ли мне её? Ни капли. Мне все равно, что будет с ней после. Я одержим лишь своей мстостью, которую я подам её отцу и жениху, перешедшим мне дорогу, на холодном блюде.

Она просто разменная монета для меня. Красивая игрушка. Она дышит, пока интересна мне. И, что приятно, прекрасно это осознаёт.

Она стояла посредине комнаты, не зная, что делать и как себя вести со мной. Как в самый первый день её нахождения здесь. Только тогда она думала, что её вскоре вызволят родные, а сейчас взгляд стал тяжёлым и... обречённым. Идея держать её возле себя — ещё один способ морального давления. Вон как дёргается — он действенный. Так она сломается ещё быстрее.

— Здесь твои новые вещи, — указал я на пакеты возле комода, который я решил отдать ей. Если уж она находится рядом, пусть будет красивая. — Переоденься.

Я выбрал сам из груды вещей полупрозрачный пеньюар и шелковые трусики.

— На, — кинул я их на кровать. — Люблю, когда на женщине все эти красивые тряпочки. Твоё тело создано радовать мои глаза. А ещё больше я хочу их сорвать с тебя во время бешеного секса.

Она снова зарделась и перевела взгляд на кружева, что призваны скорее открыть тело, нежели спрятать его.

— Я не хочу это надевать, — негромко сказала она.

— Не понравился цвет? Там много других. Выбери на свой вкус, — насмеялся над ней я.

— Я не могу ходить перед вами в таком виде. Это грех, — в её красивых глазах заблестели слезы. — Я не хочу в ад...

Ну уж нет. Бабскими слезами меня не пронять. Скорее, наоборот — ещё сильнее взбесить можно.

— Значит, со мной ты станешь грешницей, Ясмин, — от-

ветил ей с улыбкой. — И твой Ад начнётся уже здесь, на Земле, малыш. А я — твой личный шайтан. Потому что трахаться со мной будешь — и захочешь этого сама.

При этих словах Ясмин перекошило, но она все молча проглотила и покорно пошла к вещам. Я сел в кресло напротив и приготовился наслаждаться зрелищем. Она робко обернулась на меня. Я покачал головой, и девушка без слов поняла, что я не отвернусь, потому что я хочу смотреть.

— И в ванную тоже нельзя, — поймал я её взгляд в сторону двери ванной комнаты. — Здесь. И повернись ко мне передом. Я хочу видеть тебя.

Ясмин медленно повернулась и кинула на меня вдруг такой тяжёлый и страстный взгляд, что мне аж жарко стало. Неужели она сейчас выкинет нечто подобное, за что была наказана не так давно подвалом, и снова спровоцирует меня на агрессию? В душе загорелось пламя, как раз для грешников вроде меня.

Ну, давай, Ясмин.

Дай мне повод напасть.

14.

ГОР.

Ясмин не ответила. Заметно было, что ей все это даётся с большим трудом. Она с удовольствием послала бы меня к чёрту, но воевать со мной крайне невыгодно.

Оставшись лицом ко мне, она принялась развязывать пояс халата. Полы его разъехались, обнажая девичью грудь. Тонкая талия, округлые бедра и торчащие сиськи кого угодно сведут с ума. И теперь это все моё.

— Снимай, не стесняйся, — поторопил её, видя, что она снова засмушалась, хотя я уже её такой видел.

Спустила халат с плеч и позволила ему упасть на пол. Опять остановилась, обняв себя за плечи и прикрыв грудь.

— Белье тоже снимай.

Ясмин снова метнула в меня взгляд-молнию и подцепила пальцами резинку трусиков. Она потянула их вниз, а я поймал себя на мысли, что застыл на месте от предвкушения. Хочу видеть её всю. Гладко выбритая промежность — её хорошо подготовили для жениха. Ужасно захотелось провести рукой по чувствительному клитору и услышать стоны удовольствия. Она ведь ещё не кончала с мужчиной. Я увижу её оргазм первым. Стояк заныл ещё сильнее, требуя разрядки прямо сейчас. С ней.

Ясмин, покраснев от стыда, провела по ногам белье и

оставила его тоже на полу, рядом с халатом. Под моим жадным взглядом надела на себя шёлковые трусики и выпрямилась. Длинные волосы струились по обнажённой спине, упругую попу красиво обтянул шёлк.

Красиво. Сексуально. Нравится.

Юная Шахерезада.

— Жених твой полный кретин.

Ясмин надела пеньюар и обернулась. Прозрачная ткань, собственно, ничего особо и не прикрывала. Даже отсюда видны розовые соски. Красивая, зараза. Хочу её. И трахну.

— Знаешь, почему он кретин?

Она вопросительно смотрела на меня, собрав руки, которые, очевидно, не знала куда деть, в замок.

— Не захотел за тебя платить. Я бы за тебя отдал деньги. Нашёл бы, сколько бы ни запросили. Ты этого стоишь. Печально, но и так бывает.

От лица девушки отхлынула краска. Её задела новость о том, что Самир *незахотелеё* выкупать. Так и было. И это деморализует её ещё больше.

— Не захотел? — негромко спросила она, будто я ещё могу опровергнуть сказанное ранее.

— Именно, — усмехнулся я. — Я обещал, что не притронусь к тебе, если он готов возместить мне ту сумму, которую я ему назвал. Он отказался, отдал тебя мне.

В зелёных глазах снова заворочались грусть и боль. Да, неприятно узнать, что тебя так легко променяли на деньги.

Продали. Бросили. Предали.

— Но вы не можете держать меня здесь вечно, — подала она снова голос. — Это же незаконно.

— Могу. Считай, что твой закон — теперь я. И президент, и хозяин тоже я. И сейчас я хочу тебя трахнуть.

Она уставилась себе под ноги, закусив нижнюю губу. Увидев этот жест, мне тоже захотелось укунить её губы. Она даже не старается, чтобы меня завести, но стояк в штанах уже доставляет дискомфорт.

— Ложись на кровать, — сказал я, подходя к ней ближе.

Ясмин вдруг проявила непослушание и упрямство. Она осталась стоять на месте, нервно сжав пальцы. Я оказался рядом, очень близко. Нос уловил приятный и тонкий женский запах, аромат волос. Опустил взгляд на неё. Какая маленькая. Едва до плеча мне достаёт. В эскорте в основном девушки модельных параметров, очень высокие. А эта же... Однако, это весьма мило. И меня почему-то заводит, что она такая... Женственная, слабая, невинная.

— Ложись, — повторил я и сжал руками её талию. — Или хочешь снова грубостей? Я все равно тебя заставлю.

Ясмин уперлась в меня руками, пытаюсь не позволить приблизиться. Но куда ей со мной тягаться? Смешная. Упрямый подбородок взметнулся вверх, а нежные губы что-то бормотали.

— Ты мне что-то хочешь сказать? — спросил я, выдохнув ей в шею. — Скажи.

Зелёные глаза вдруг в упор, смело, уставилась на меня. Взгляд, горящий ненавистью и обидой.

— Чтоб ты сдох, — произнесли её мягкие, полудетские губы.

ЯСМИН.

Тёмные глаза сверкнули, а вся моя злость мигом улетучилась, когда я увидела этот тяжёлый взгляд.

Боже мой, ну зачем я это сказала вслух? Ведь хуже будет! Я пыталась держать себя в руках из последних сил, но просто не вынесла этих оскорблений и пошлости в мою сторону.

Что теперь? Прибьет? Так даже лучше... Только бы не подвал снова и не секс с ним. Что угодно, только не это. Не хочу. Сжалась в ком под этим взором, ожидая наказания. На то, что он спустит мне с рук подобное, я не рассчитывала.

Внезапно пол пошатнулся и поменялся местами с потолком под мой негромкий возглас. Гор закинул меня на свое плечо и куда-то понёс.

— Отпусти. Поставь меня на пол, чудовище! Я боюсь! — молотила я по его спине кулаками, кажется, ещё больше усугубив сейчас своё положение.

— Перешла на "ты"? — он хлопнул меня по заднице и смял ягодицу сильной рукой, вызвав внутри меня ещё большую волну возмущения. — Ну, вот мы и стали ближе.

Он свалил кулем меня в душевую кабину и включил воду.

— Скотина!!! Она холодная... А-а-й! — вопила я, пыта-

ясь закрыться руками от струй из лейки, которую он держал прямо над моей головой.

— Я сейчас докажу тебе, что вовсе и не чудовище. Видишь, тёпленькая пошла.

Он действительно прибавил тёплой воды, но легче мне не стало. Я стояла полностью мокрая, в этом дурацком пенюаре и с прилипшими к задку трусами, а волосами — к лицу.

— А теперь будем мыть твой слишком грязный рот.

На мою голову полились несколько шампуней и гелей для душа. Он выдавил почти все тюбики, не давая даже вздохнуть. Пены было настолько много, что она на самом деле оказалась у меня и во рту, и в носу.

Я давилась этой пеной, плевалась и пыталась от него спрятаться, но это было невозможно. Он издевался и смеялся над моими плясками по душевой, пока ему не показалось этого достаточно.

Поток воды в лицо мне, и я машинально отвернулась. Вкус пены так и стоял во рту.

— Открой глаза.

Осторожно, нехотя, подняла на него взгляд.

— Хочешь повторить что-нибудь из тех грубых слов?

Закусила губу и опустила глаза, чтобы просто не послать его куда-то очень далеко. Иначе он мне шампунь уже прямо в рот нальет. Изувер.

— Отвечай, когда я задаю вопрос, — властные пальцы заставили меня смотреть в лицо Гора. — Ты готова повторить,

или мы достаточно вымыли твой ротик?

— Достаточно! Прекрасно вымыли. Он просто блестит!

Гор усмехнулся. В его глазах словно заплясали чертенята. Его веселили мои ответы на волне истерики.

— Вот и запомни — твой рот не для ругательств. И вообще — не для слов. Ты умеешь делать более приятные и полезные вещи, чем болтать.

Кинула на него злой взгляд. Он напоминает мне о той сцене в подвале, когда он хотел минет, и лишь мои слезы его остановили. Я бы предпочла об этом забыть, но он не даст мне этого сделать. Я никогда не прощу ему всего этого. Хотя этому дьяволу, очевидно, мои прощения и позволения совершенно не нужны.

— Итак, дубль два, Ямин, — он провел рукой по моей груди, намеренно задев пальцами сосок, и по телу пробежала дрожь.

Да что за реакции на это чудовище? Или просто невозможно не реагировать, если особь мужского пола касается интимных мест?

— Я хочу тебя. Сегодня. Приведи себя в порядок, я приду ночью. Прими уже верное решение.

15.

Он ушёл, а я стала смывать остатки шампуня. Руки дрожали. Но уже не только от страха, но и от злости и бессилия. Я здесь никто. Просто никто. Он главный. Он решает. Он живёт как хочет и диктует, как жить, другим.

Урод.

Бесчеловечное существо.

Бессердечный пень.

Мне кажется, я никогда никого так не ненавидела, как ЕГО. А за что мне было испытывать ненависть к другим? Маня все любили, воспитывали и обращались со мной как с принцессой. Теперь же я даже не прислуга. Пустое место.

Особенно громко бросила лейку в душевой и принялась с остервенением вытираться. Кожа стала красной, настолько сильно я терла себя, словно это могло бы что-то решить. Зависла с полотенцем в руках.

Он придёт. Придёт этой ночью. Я в его логове. Паук поймал свою жертву и теперь готовится её сожрать. По спине снова пробежал липкий страх. Я совершенно не представляю себе, как пройдёт эта ночь. Навряд ли я смогу повиноваться и покорно раздвинуть перед ним ноги.

От одной мысли об этом подбородок гордо взметнулся вверх. Да кто он такой, что покушается на моё тело и мою честь? Почему он все решил за всех? Мне очень жаль, что

по силе я ему неровня, иначе бы уже давно двинула ему как следует. Да может, и двину. В моменты, когда он нападает на меня, я не могу контролировать себя. Я просто знаю, что не хочу позволять, и начинаю изворачиваться на уровне инстинктов. Я сама не знаю, чего ожидать от себя.

Сложно себя держать в руках, когда тебя гложет греховное желание взять и убить. Просто убить. Чтобы его больше не стало. Не было никогда. Чтобы не видеть больше эти чёрные глаза, чтобы не чувствовать на себе его внимание, взгляды, желания, руки, касания. Чтобы даже фантома не осталось. Он был бы моим самым жутким воспоминанием. Ночным кошмаром. Тем, который хочется предать забвению...

Завернувшись в полотенце, осторожно выглянула за дверь, чтобы проверить, действительно ли его здесь нет. Выдохнула, когда увидела, что спальня снова пуста. Дошла до кровати и заглянула в пакет. Среди гор кружев и — боже мой, эротических костюмов! — нашла полупрозрачную майку и коротенькие шортики, которые больше на трусы были похожи. Посмотрела на себя в зеркало — да уж, так только и воевать с мужчиной — соски просвечивают, слишком облегает. Как раз оно, чтобы сообщить, что спать с ним я не намерена! Специально, гад, все такое выбрал. Даже ни одного бюстгалтера не нашла отдельного — пеньюары да прозрачные маечки и топики.

Вздохнула и прошла к окну. На столе заметила принесенный для меня поднос с едой, но лишь сморщила нос и отвер-

нулась. Вот сейчас аппетита действительно нет. Я слишком переживаю о том, что будет сегодня. Обняла себя руками, пока по телу бегали мурашки. Я снова представила, что его губы снова будут жадно пить меня, ноздри – с наслаждением вытягивать мой запах, а руки – касаться моих самых запретных мест, которые я берегла для мужа.

По щеке сбежала слеза.

Не будет у меня мужа. Никогда. Ни один мужчина меня не возьмёт в жены после такого, как Гор. Если он вообще когда-то отпустит меня живой... Больше склоняюсь к тому, что дни мои сочтены. Здесь я прожила за год всю свою жизнь. Узнаю, что такое близость с мужчиной, что такое беременность, роды... А когда Гор получит сына, то... Я думаю, что просто избавится от меня. Так ему проще. Так поступают все люди его круга.

Мне нечего терять. Не о чем больше молчать. Нечего беречь. У меня нет будущего. Если бы Гор предложил мне выбор: он или смерть, я бы покорно пошла за второй...

16.

Прилегла на кровать и не заметила, как уснула, от усталости. Подвал, неудобная лавка, скудная пища измотали меня. Даже ожидая худшего, организм все равно взял своё, и я забылась сном.

Через дрему ощутила лёгкое прикосновение к моим волосам. Может, снится? Или сквозняк? Не хочется думать, что это ОН.

Вздрогнула, когда горячая, большая и шершавая ладонь прошла снизу вдоль по всей моей ноге и в конце пути сжала моё бедро. Нет, это не сон, а моя страшная реальность... Он пришёл, как и обещал.

Рывком села на кровати, сбросила его руку и отползла дальше, собравшись в ком и глядя на него раненым волчонком. Каждой встречи с ним я боюсь. Каждая может стать последней. Потому что я не собираюсь ему подчиняться.

— Куда? — прозвучал слишком резко в тишине ночи его голос.

Он сел рядом и просто перетащил меня к себе, усадив на колени, словно я невесомая. Сидеть не просто близко, а прямо на нем, ощущая все рельефы его тела, мне не нравилось. Я рвалась куда-то в сторону, в ту же минуту осознавая, что он не отпустит. Глупо даже надеяться. Но расслабиться и принять все как данность я тоже не смогу. Меня учили быть по-

корной, да, но не чужому мужчине, не преступнику и похитителю. Не тому, кто хочет взять силой то, что ему не принадлежит.

— Я бы предпочёл увидеть на тебе что-нибудь посексуальнее, но эти шортики мне тоже нравятся.

Он ещё сильнее сжал ягодицу, а я стала брыкаться активнее.

— Ясмин, мне все это начинает надоедать, — сказал Гор, захватив рукой мои волосы на затылке так, чтобы я не могла дальше извиваться в попытке бегства и не имела шанса отвернуться от него.

Ледяные глаза оказались прямо напротив моих, и я задрожала. Как же я его боюсь... Так же сильно, как и ненавижу.

— Ты все равно этого не избежишь, — говорил он. — Никто за тебя долг не отдаст. И только тебе решать, постараюсь ли я быть нежным в твой первый раз. Что ты выбираешь?

С языка рвались проклятия и оскорбления, но я уже научена горьким опытом, что с ним лучше так себя не вести.

— Ничего из этого! — ответила я и снова попыталась освободиться.

Не хочу ощущать его руки и тепло на себе, не хочу чувствовать, как нарастает эрекция, которая уже врзается в мою ягодицу.

— Так не получится, — сказал Гор мне в шею и стал прокладывать влажную дорожку поцелуев до ключицы, вызывая

мурашки по позвоночнику. — Выбирай из того, что назвал я. Нежно или грубо, Ясмин?

— Я не хочу тебя, — произнесла я тихо, но чётко, опустив ресницы. — Никак.

Гор сильнее сжал меня в стальных объятиях, почти до боли. Он довольно зло смотрел на меня, пытаясь поймать мой взгляд, но я упорно не поднимала глаз.

— Тогда я решу сам. У тебя был выбор, ты им не воспользовалась. А я люблю пожестче.

Мне показалось, что волосы на моей голове в этот момент зашевелились. Но времени и возможности что-то придумать не было. Он просто опрокинул меня на спину на матрас.

Душу разрывало отчаяние и безумный страх, от которого дышать стало тяжело. От жарких поцелуев сердце стало заходиться. Всё вокруг поплыло, пока в глазах совсем не стало темно.

— Ясмин. Ясмин!

Он тряс меня за плечи, но сил открыть глаза не нашлось. Здесь хорошо, тепло, спокойно. Я не хочу возвращаться ТУДА, к НЕМУ.

Остро пахнувшая субстанция заставила меня открыть глаза и чихнуть. Сморщилась. Нашатырь.

Потрясла головой. Я в обморок упала? Зачем нашатырь?

— Как меня зовут? — спросил Гор.

— Твоё имя — Ублюдок, — не удержалась я. — Мне пло-

хо...

Откинулась обратно на подушку. Всё тело словно свинцом налилось.

Колючий взгляд на меня. Он скоро научится прожигать во мне дыры одним взглядом. Сильная рука мягко сжала шею. Тёмные глаза оказались ровно надо мной.

— Ублюдок? Ну-ка, повтори.

Горло сжали сильнее. Дышать стало ещё тяжелее, и мои глаза стали снова закатываться.

Мужская рука перестала давить. Видимо, душить ту, которой и так плохо, в его обычное поведение всё же не входит.

— Мы с тобой ещё поговорим по этому поводу. Ты не усвоила урок, строптивая камикадзе.

Гор прошёл к двери и приказал своим солдатам, которые всегда ожидали за дверью.

— Врача. Немедленно.

— Дайте руку, — попросила доктор и измерила давление.

Мы остались с ней вдвоём. Женщина в медицинской униформе и чемоданчиком скорой помощи пришла спустя минут десять после моего обморока.

— Ничего не понимаю, — нахмурилась она. — Дом такой шикарный, а вы будто истощены. Вас здесь что — в чулане держат? Бледная, словно солнца год не видела.

Села и вцепилась ледяными пальцами в её руку.

— Я здесь пленница. Помогите. Меня действительно дер-

жали в подвале. Меня похитили. Сообщите в полицию.

Женщина некоторое время ошалело смотрела на меня, потом с усилием вынула свою ладонь из моего захвата.

— Простите, но я не могу вам помочь, — вынесла она мне приговор.

— Но он держит меня здесь незаконно, — чуть не рыдала я.

— Я вижу. И очень сочувствую. Но повторяю: я не могу помочь.

Моя надежда таяла с каждой секундой, оставляя в душе мокрое противное пятно. Никто не хочет помогать. Никто не готов воевать с моим новым Хозяином.

— Вы боитесь? Ваш страх дороже чьей-то жизни? — спросила я негромко, проглотила очередную порцию слез.

Доктор вздохнула, а потом посмотрела внимательно на меня.

— Ты сама хоть знаешь, у какого человека находишься?

— Не очень...

— Оно и видно. Он очень влиятельный. Никто в своём уме не станет идти наперекор ему. Если я хоть пикну о том, что здесь увидела, у меня будут огромные проблемы. Прости, я не могу так рисковать. Я лишь выполню свою работу и уйду. А в ваши дела, пожалуйста, меня не впутывайте.

— Понимаю, — кивнула я, утирая слезы. Никто и не обязан рисковать ради меня. Если уж жених и отец не стали сражаться... Но я хотя бы попыталась.

— У меня есть сын, — продолжила она. — Маленький. Если я помогу тебе, он может лишиться матери. Понимаешь?

— Да, — снова кивнула я.

— Я могу кое-что сделать для тебя, — она снова посмотрела в моё лицо. — Могу сказать, что несколько дней тебе нужен отдых и покой. Он тебе в самом деле необходим, если это, конечно, ему интересно. Может, у тебя появится отсрочка, а там что-нибудь придумаешь. Но о большем не проси.

— Пожалуйста, скажите ему, что я больна, — сложила я руки в мольбе. — Что мне нужна госпитализацию. Срочно.

— Нет, — снова отказала врач, и у меня во второй раз все внутри оборвалось. — Врать не буду. Ничем серьёзным ты не больна, это легко понять и перепроверить. Несколько дней. Побольше спи, ешь и выходи на свежий воздух. Всё это я передам твоему мужчине. Он просил держать его в курсе.

— Хорошо, я поняла, — покорно опустила я голову. Пусть хоть что-то, хотя бы маленький аванс перед моей гибелью.

— Скажи, а ты сердечница?

Встретилась с глазами за линзами очков.

— Почти, — ответила я. — Когда вот так переживаю, бывают проблемы и обмороки.

— Аритмия?

— Да.

— Ясно, — покачала она головой. — Я сразу уловила

неправильный ритм. Постарайся так сильно не стрессовать. Это может отразиться на тебе однажды куда серьёзнее, чем обморок.

— Скажите мне, как? *Как*я должна не переживать? — спросила я довольно истерично, хотя прекрасно понимала, что врач здесь совершенно ни при чём. Не она меня похитила и не она держит меня в плену.

— Как-как... — ответила она соответственно моему выпаду. — Я не знаю — *как*. Я дала рекомендации, а ты уж сама решай, как их выполнять. И ещё — надо бы к кардиологу обратиться. Посмотреть твоё сердце.

Я уставилась на неё. А ведь это идея. Это мог бы быть выход из ситуации. Главное, попытаться покинуть пределы особняка.

— А вот это обязательно скажите. Что мне крайне нужен кардиолог. И обязательно в клинике. Прошу вас.

Она сузила глаза и, подумав пару секунд, согласилась:

— Хорошо. Это скажу.

17.

— Таким образом, вашей... э-э-э...

— Невесте, — закончил за врача Гор.

Я с опаской покосилась на мужчину. Он перехватил мой взгляд и изогнул бровь. В очередной раз не выдержала его слишком тяжёлого взора и опустила ресницы. А может, и не хотела смотреть в эти порочные беспощадные глаза.

Внутри зазвенело возмущение. Какая ещё невеста? Что он несёт? Сказал так, чтобы подозрений не вызвать? Так я уже его сдала с потрохами, только доктор все равно мне помогать не решилась.

—... Вашей невесте, — продолжила она. — Ей просто необходим покой и полное исключение стресса. Нужно гулять на улице на солнце, каждый день дышать свежим воздухом и желательно заняться спортом. Например, плаванием.

— Бассейн имеется в доме.

— Вот и отлично! Отправляйте туда свою жену почаще, раза три в неделю. И ещё, — доктор поправила очки. — Нужно показаться кардиологу.

— А рожать она сможет с таким диагнозом? — спросил Гор. — Не такой уж он серьёзный.

— Вы зря так считаете, — покачала головой доктор. — Последствия неправильного ритма сердца могут быть серьёзными. А насчёт родов — это уже не в моей компетенции.

Уточните у кардиолога.

— Хорошо, мы обязательно покажемся кардиологу.

— Если это все — то мне пора.

— Всего доброго, спасибо.

— До свидания. Выздоровливайте и следите за сердцем.

У вашей жены даже элементарных сердечных лекарств здесь нет.

Врач ушла, и мы остались наедине. В комнате температура мигом остыла градусов на десять, и мне стало холодно, словно балкон раскрыли настежь. Я чувствовала, что он смотрит на меня, но не пожелала ответить.

— Почему не сказала, что у тебя есть проблемы со здоровьем? — спросил он холодно.

— А зачем? — ответила я своим рукам.

— Как это — зачем? О таких вещах надо предупреждать.

— Можно подумать, ты бы стал обо мне заботиться, узнав, что я не... совсем здорова.

— Нет, — усмехнулся он. — Заботился о тебе папаша. Но детство для тебя сдохло. А меня больше волнует, чтобы ты здесь не окочурилась, у меня в доме. И чтобы смогла выполнить то, для чего и находишься тут — родила сына. Что говорят по этому поводу врачи? Ты способна выносить и родить?

— Нет, — ответила я, посмотрев ему в лицо. — Не могу. Не выношу. Избавься от меня.

Могу. Врачи не запрещали мне рожать. Но лучше на тот

свет, чем служить его инкубатором и сексуальный рабыней.

— Ясмин, — он взял мой подбородок в свои пальцы, подняв так, что почти дышал в мои губы. — Ты лжешь. Я тебя чувствую. Глупо. Ведь это легко проверить. Мы обратимся за консультацией ещё и к гинекологу. И если ты способна родить — ты это сделаешь.

Как легко он меня раскусил. Да, актриса я так себе и врать не приучена...

— Пиши список лекарств, которые ты обычно принимаешь, — протянул он мне блокнот и ручку. — Необходимые вещи можешь тоже добавить. Купальник для бассейна, например. Ребёнку нужен здоровый организм для вынашивания.

Он даже не зовет меня матерью. *Организм для вынашивания.*

Неприятно и даже как-то больно от такого отношения ко мне. Он меня вообще за женщину не держит.

Составила небольшой список из самых нужных вещей и вернула блокнот Гору. Он тут же передал ему кому-то за дверь, приказал привезти все немедленно. Затем вернулся к кровати, на которой я полулежала на подушках и навис сверху, уперевшись руками по обе стороны от меня.

Я заволновалась. Я всегда волнуюсь, стоит этому мужчине нарушить моё личное пространство и пробить мою зону комфорта своей нереально мощной энергетикой. Она словно физически ложится на плечи и давит.

Тёмные глаза смотрели в упор из-под сведённых вместе бровей.

— Не жди, что теперь я стану трястись над тобой. Твои проблемы со здоровьем — твои проблемы. И только попробуй своими нервами испортить здоровье моему ребёнку, которого скоро будешь носить. Лучше подчиниться, Ясмин.

Чудовище провел большим пальцем по моим губам, которые жадно рассматривал во время своего монолога.

— И мысли о пробеге по дороге к врачу оставь. Ничего все равно не выйдет. Я тебя найду даже в аду. А за попытку побега накажу тебя. Не заставляй меня быть с тобой жестоким.

18.

Гор в самом деле повез меня в клинику в сопровождении охраны. Бежать, когда на тебя смотрит не меньше пяти пар глаз, очень глупо. С чего я взяла, что мне удастся его перехитрить? Это диктовало мне отчаяние. Это ОН может все, а я — ничего.

— Всё мои люди вооружены, — сказал он, пока мы ехали по улицам в комфортабельном авто.

— И зачем мне эта информация? — спросила я, а пальцы уже начали холодеть от страха.

Я и сама догадалась, что таким образом он обещает меня пристрелить при попытке к бегству.

— На всякий случай, — Гор проникновенно посмотрел в мои глаза и подтвердил догадки. — Чтобы не было необдуманных попыток совершить что-то сумасшедшее. Никто тебе этого не даст сделать, Ясмин.

Вроде бы ещё вчера я просила его избавиться от меня, но сегодня мне страшно, что эти амбалы меня покалечат. Да, Гор сказал, что ему нужен ребёнок от меня, но можно изувечить так, что это не повлияет на способность носить и рожать. Кто знает, насколько этот мужчина опасен для меня? То, что ему меня несколько не жаль, он уже много раз показал и озвучил. Попытаться удрать от него я не решилась. Меня не отпускали одну даже в туалет, перед моим походом

туда тщательно проверили помещение, чтобы возможности убежать не было, и только после проверки запустили меня.

— Ваша невеста здорова. Она может быть мамой,— сказала врач, снимая с рук одноразовые перчатки. — Вставай, одевайся.

Она подошла к раковине и вымыла руки. Затем вернулась к столу, возле которого, у ширмы, закрывающей гинекологическое кресло, сидел Гор. Он снова представился моим женихом, и я поняла, зачем. Перед осмотром доктор уточнила у меня, может ли она говорить о моем здоровье при женихе. Взгляд Гора красноречиво мне сказал, что я должна согласиться. Впрочем, какая разница, он все равно узнает. Не в этой клинике, так в другой "жениху" предоставят сведения о женском здоровье его любимой "невесты". Я согласно кивнула, вынужденная это сделать колким взглядом в упор. Теперь мужчина сидел и слушал, какие блага ему способно предоставить моё тело.

— Вы уверены? — переспросил врача Гор. — Мы с Ясмин очень хотим малыша. Хотелось бы быть уверенными, что препятствий к этому нет.

— Ясмин — девственница, и если какие-то скрытые проблемы все же имеются, это вскрыется позже, при попытке зачать, — ответила доктор. — Но это маловероятно, так как по первичным результатам и осмотру все в полном порядке. Необходимо сделать ряд исследований – более глубоких, се-

годня вы уже не успели, только в другой день. Но это нужно, чтобы убедиться в том, что беременность наступит быстро и будет протекать хорошо. Возьмите направления на анализы, как получите результаты, снова приезжайте ко мне. На данный момент я не вижу препятствий к беременности вашей невесты.

— А заключение кардиолога? — уточнил Гор.

— Я его изучила. Ничего криминального в работе сердца будущей мамочки нет. Просто поменьше стрессов, побольше пеших прогулок на свежем воздухе, лёгкий спорт — например, есть йога для беременных, — и все будет хорошо. С таким диагнозом прекрасно живут обычной жизнью и рожают по несколько детей.

Победный взгляд на меня. Хищный. Откровенный. Ненавижу.

— Что ж... Спасибо вам, доктор.

— Приходите ещё — вести беременность, после анализов.

— Обязательно, — улыбнулся ей Гор и вцепился в моё предплечье. — Идём, ДОРОГАЯ.

Весь обратный путь Гор улыбался словно хитрая лиса и как-то хищно на меня поглядывал. Неужели он прямо сейчас потребует лечь с ним? Сердце упало в пятки. Я не могу. Я не готова.

— Ты всё-таки маленькая лгунья, Ясмин, — почувствовала я дыхание на своих волосах. Он втягивал носом их аромат, чем напугал меня до мурашек, слишком неожиданно оказал-

ся рядом со мной в тесном салоне автомобиля. — Ты знала, что можешь рожать.

— Знала, — ответила я и еле поборола желание отпихнуть его от себя. Повернулась и прямо взглянула в его тёмные глаза. — Я не хочу детей от тебя. Ты мне противен.

В тёмных глазах заворчалось что-то опасное. Его заделли мои слова. Но я не собираюсь скрывать свое отношение. Пусть знает, что неприятен мне, и чтобы занять от меня ребенка, ему придётся стать насильником. По доброй воле он меня не получит.

— Хорошо, — кивнул он. — Жаль. Тогда секс со мной будет для тебя менее приятным. Хотя я уверен, что ты лжешь. Я нравлюсь тебе, я тебя чувствую. Но постарайся до вечера влюбиться.

Прикрыла глаза и отвернулась от Гора. Снова издевается. Да ему в самом деле плевать на мои желания и на то, как я к нему отношусь. И что он, интересно, почувствовал? Ну, я считаю его красивым мужчиной, он меня волнует, но его методы не для меня...

— Кстати, — мужская рука протиснулась за моей спиной, и горячая ладонь сжала мою ягодицу. Я попыталась отодвинуться от него, но как и всегда, это была борьба медведя и зайчика. — Сегодня тебя ждёт сюрприз.

19.

На долгое время я осталась в комнате одна. На время недомогания Гор не стал меня беспокоить и спал где-то в другом месте. Не совсем он оказался животным, хотя... Нет, все равно животное.

Сегодня он вернётся. И что придумать, чтобы избежать этой ночи, я не знаю. Падать все время в обморок у меня не выйдет, да и в тот раз все произошло не специально, управлять этим состоянием я не умею. Сказать, что у меня менструация? Так её нет, он проверит и убьет меня. Не знаю, что делать, просто не знаю...

Вся извелась от этих мыслей, опять не смогла поесть. Снова поднос с обедом для меня остался нетронутым. Сабира забирала его, укоризненно качая головой. Пожалуетса хозяйину, знаю. Непонятно, правда, как она с ним общается? Может, Гор знает язык жестов? Но она точно ему докладывает. Его шестёрка, как и все в этом доме.

Сабира унесла поднос, но вскоре вернулась и сунула мне в руки конверт. Я с подозрением посмотрела на белую бумагу в моих руках. Я понимала, что там, внутри. Наверное, поэтому не торопилась вскрывать послание. Записка от него. Никто ведь больше мне не напишет. Пишет мне письма. Очень мило, почти как Ромео своей Джульетте... Только у них была

любовь, а у нас... Не знаю что. Грязь и уродство.

Но сколько ни прожигай конверт глазами, он никуда не исчезнет, и открыть его все равно придётся. Горько вздохнула и надорвала бумагу. Записка была лаконичной:

"Ждутьебя в своёмкабинетечерездесятьминут".

Отложила в сторону скучную записку и задумалась. Что ему опять нужно? И что за официоз? Ещё бы позвал меня в конференц-зал своей строительной фирмы. Точно не уверена, но у него должен быть бизнес именно в этой сфере, потому что что папа занимается возведением жилых комплексов, и, раз говорил о Горе как о конкуренте, то он не мог заниматься какой-то совершенно иной отраслью.

Обнаружила, что пока я была у врача, мои новые вещи кто-то заботливо повесил в его шкаф, среди ЕГО вещей. Этот факт меня заставил перекосяться. Неприятно, что мои платья даже просто близко находятся к его рубашкам и пиджакам. Ещё могут и пропахнуть ИМ. Даже решила не переодеваться и пойти в том, в чем мы ездили в клинику — вишенёвое строгое платье-футляр и чёрные замшевые лодочки.

Так зачем было столь пафосно звать меня в свой кабинет? Может быть, это связано с тем, что днем он окрестил "сюрпризом"? Сюрпризы от него вряд ли будут приятными, и я очень сомневаюсь, что они понравятся мне. Потому что все, что связано с ним, мне НЕ нравится. Но не пойти нельзя. Не хочу лишний раз его злить, да и любопытство какое-то проснулось. Посетила глупая мысль, что может быть... Он

захочет меня отпустить?

Дошла под конвоем, как и всегда, до кабинета Хозяина. Робко постучала и получила разрешение войти. Стоило мне оказаться в просторном помещении, как глаза мои округлились.

— Папа?!

В одном из кресел у чайного столика сидел мой отец. Он встал мне навстречу и широко раскинул руки.

— Ясмин! — позвал он. — Душа моя!

Не оглядываясь по сторонам, я пробежала расстояние до отца и крепко прижалась к нему.

Ну вот. Он приехал за мной. Все будет хорошо. Он нашёл выход.

Папа избавит меня от печальной судьбы куклы.

Теперь *все* будет хорошо.

— Ты за мной? — шептала я ему, не в силах унять слёзы.

— Как трогательно, — услышала я позади себя низкий голос хозяина дома с язвительными нотками. — Я вас оставлю. Вам есть о чём побеседовать.

Искренне надеялась, что слышу его в последний раз. Сейчас, в присутствии отца, я даже не так сильно боялась Гора. Спаситель рядом, он больше никому не даст меня в обиду.

Тяжёлые шаги по ковру вскоре закончились, и дверь за Гором захлопнулась.

— Папа, — стала причитать я, захлебываясь слезами. —

Почему ты так долго не приезжал за мной?! Он же настоящее чудовище! Как ты мог меня оставить с ним наедине?

— Я знаю, дорогая, — устало ответил отец. — Я все про него знаю. Но, пожалуйста, сядь. Нам надо поговорить.

Меня насторожило его поведение. Какие разговоры? Нужно уходить отсюда немедленно, мне здесь плохо! Но с отцом спорить не приучена, и я села, сложив руки на коленях и опустив глаза в пол.

— Мне очень жаль, принцесса... Но ты *остаёшься*.

20.

Из лёгких вышибло весь воздух. Я словно упала в ледяной бассейн и оказалась под толщей воды вместе с головой. Господи, если я не начну сейчас дышать, то просто упаду.

Вцепилась в кресло, которое, мне показалось, даже пошатнулось подо мной в тот миг, когда отец сказал эту ужасную фразу.

— Папа... — почти прохрипела я севшим от шока голосом. — Ты что такое говоришь?

— Не спорь, Ясмин. Ты останешься и будешь подчиняться этому мужчине. Ты... Подарена мной *ему*.

В висках застучало. Руки задрожали. Не может этого быть, что родной отец мне такое говорит... НЕ верю. Это не моя жизнь, дурной сон, бред, морок.

— Папа, — подняла я глаза на него, что делала крайне редко. — Как это... подарена?

Он вздохнул и устало потёр глаза.

— Дочь, — заговорил, и стало очевидно, что это разговор даётся ему тоже с трудом. — Я очень виноват перед тобой. Я... Не подумал, что дела бизнеса отразятся когда-то на моих детях. Я виноват перед всей семьёй. Но перед тобой моя вина безгранична.

Он поменял позу и продолжил. Ему было сложно выбирать слова.

— В свое время я много крови попил у Андрея. Перешёл не раз дорогу, почти разорил его. Я отпраздновал победу и забыл о нем, но неожиданно он снова поднялся, и его фамилия зазвучала по всем углам.

— Андрей? — нахмурилась я.

— Ну да. Гор. Андрей Горский.

Так вот откуда прозвище — производная от фамилии. Но ближе и понятнее Андрей Горский мне не стал.

— Теперь он мстит, — продолжил рассказывать папа. — Он ввёл меня в зависимое от него положение. Он не решает вопросы лишь словами, на его руках много крови. Хоть он и ведет официальный бизнес, на самом деле там очень много нелегальных и криминальных дел. Опасно вставать у него на пути. Когда я начал войну с ним, Андрей ещё не был... таким.

Рука взметнулась вверх и машинально легла на пересохшие от страха губы. Даже слезы перестали литься от осознания правды. Боже, он ещё и душегуб! Верно мне подсказывала интуиция — шутки с ним плохи, он действительно может отправить к праотцам... И ЕМУ отец ПОДАРИЛ меня? Этому убийце и бандиту?

Я смотрела на родителя и никак не могла понять и поверить, что он в самом деле оставит меня здесь, оставит меня ЕМУ!

— При чем здесь Самир? — спросила я.

— Твой жених тоже участвовал в разорении Горского. Узнав, КТО тебя выкрал, он сразу же отказался в этом участ-

зовать, а один я ничего не смогу против Андрея. Он слишком сильный. И деньги ему не нужны.

— А что ему нужно?

— Ты, Ясмин.

Выбрал меня, как товар на рынке. Сволочь. Как же я его ненавижу... Кровь закипает в венах мгновенно, едва только вспомню это ненавистное лицо.

— Зачем я ему? — спросила, понимая примерно, каким будет ответ.

Все очень прозаично.

— Чтобы унижить меня и всю семью. Все будут знать, что он забрал у меня тебя.

У него получается. Унижение — вот что он умеет делать с блеском.

— А теперь он угрожает всей нашей семье,— снова услышала я голос отца словно издалека. Мне было настолько больно и плохо, что слова с трудом достигали моего сознания. Я тупо пялилась на свои колени. Моя жизнь кончилось. Она подарена жестоком извергу. — Понимаешь, Ясенька...

Отец взял за мою ледяную руку и разжал пальцы, привлекая к себе моё внимание.

— Если я не соглашусь, то пострадают все. Близнецы и Зарема останутся без дома, на улицу пойдут. Я понимаю, что это все ужасно звучит, но я действительно ничего не могу для тебя сделать. Пострадаешь ты одна или все мы разом. Я вынужден согласиться на... это.

— Почему я? Почему? — принялась я снова плакать от отчаяния и бессилия. — ПОЧЕМУ, папа?

— Потому, что ты женщина, молодая и нетронутая. Женщина нашего рода. Это месть. Мне — через тебя. Думаешь, мне не больно, Ясмин?

— Тебе? — впервые я повысила голос на отца и вскочила на ноги. — ТЕБЕ БОЛЬНО?

Меня разобрал истерический смех. Я узнаю сегодня, что такое истинно больно — и морально, и физически, — когда Гор будет меня полночи трахать с воодушевлением. Теперь его точно ничто не остановит. Мой отец сам отдал ему меня. Подарил, как невольницу хану. Я стану навечно рабыней Андрея Горского.

— Уходи, — утерла я сопли и слезы и гордо вскинула голову.

Что теперь рыдать? Ничего все равно не изменить. Мой жених сбежал как трус, едва услышав имя Гора, а отец расплатился мной, чтобы остаться жить в доме и вести привычный образ жизни дальше. Все предали меня, едва речь зашла об их покое.

Моя судьба решена. Гор мечтал меня сломать — он победил.

— Ясмин... Прости.

— Уходи, — повторила я с нажимом, отвернувшись от него. — Предатель. Передай Зареме и братьям, что я их любила.

— Что... Что значит “любил*а*”? Яся, ты что задумала-то? Отец развернул меня к себе за плечи и вгляделся в лицо.

— Не вздумай. Это грех большой. Больше, чем тот, который ты совершишь с этим мужчиной. Не смей.

— Кому какая разница? Оставь меня в покое! — ударила я его по рукам и отошла от него на несколько шагов.

— Ты ещё можешь быть счастлива, — сказал он негромко. — Подумай. Андрей — мужчина, ты понравилась ему, раз он потребовал тебя... в дар. Ты можешь ещё обаять его и построить семью с ним. Пусть мне будет больно, что ты попала к нему, но если Горский тебя полюбит — ты будешь как за каменной стеной. У тебя будет все: роскошный дом, деньги, все блага жизни и... Семья. Дети. Подчинись, Яся. Это лучший вариант из возможных. Ты все равно... обречена.

Что?! Да как он только смеет мне об этом говорить? Мой отец — мне?! Я никогда не буду преклоняться перед этим слишком важным чудовищем. Моя жизнь скоро оборвется, потому что Горскому надоест со мной возиться.

— Иди, отец. Иди. Будь счастлив, а обо мне забудь. Я тебя прощаю. Я вас всех прощаю, прекрасные люди. Я заплачу за тебя, за всех вас. Иди, прошу тебя. **УХОДИ!!**

Я просто вытолкала его за дверь и захлопнула её перед самым носом. Схватила первый попавшийся предмет — вазу — и с наслаждением разбила её о стену, оставляя на красивом ремонте уродливые следы. Я громила кабинет Горского какое-то время, пока силы не оставили меня, а потом просто

осела прямо на ковёр у входа. Лбом легла на ворс и разрыдалась.

Ненавижу. *Ненавижу*. НЕНАВИЖУ.

Дверь открылась, и тяжёлые шаги направились прямо ко мне. Сильные руки заставили встать, и я встретилась с горящим гневом взглядом Андрея Горского.

— Зачем мой кабинет разнесла?

Молча сглотнула и опустила ресницы. Ты не добьёшься от меня разговоров и объяснений.

— Ты все уберёшь здесь сама. Завтра. Вымоешь пол, уберёшь осколки. Поняла?

Лишь кивнула в ответ.

— Отец объяснил тебе твоё положение в этом доме? Говори со мной, — сжал он мои плечи в своих руках.

— Да.

— Ты принадлежишь мне, принцесса Ясмин. Ты должна покориться и делать все, что я тебе скажу этой ночью.

Горячие пальцы подняли мой подбородок, заставляя смотреть в эти жестокие, бездушные глаза.

— Ты будешь ласкать меня так, как я захочу, и сколько захочу. Чем ты будешь покорнее — тем дольше проживёшь.

Едва сдержала слёзы. Я не знаю, как заставить себя подчиниться ему. Я не знаю, что вообще мне делать.

— А знаешь, почему ты согласишься? — продолжал он говорит и ранить в самое сердце каждым своим словом.

— Почему? — спросила и похолодела, ожидая какой-то

изоощренной гадости от него.

— Потому, что если ты будешь вести себя плохо, я заменю тебя.

В удивлении подняла глаза на него. Что он сказал?

— На твою младшую сестру. Ведь есть две девушки, которые относятся к вашему роду и которые способны подарить мне наследника. Поэтому если не согласна — я верну тебя отцу и заберу взамен Зарему. Тогда наследника родит мне ОНА. Выбирай. Сейчас.

Воздуха снова стало не хватать. Я тяжело задышала. Глаза дьявола прожигали насквозь, пока он ожидал ответа. Он готов на все ради того, чтобы получить то, что хочет. На шантаж, на запугивание и подавление. Он не собирался меня насиловать. Он хотел подвести к тому, что я буду сломлена и на все соглашусь сама. Поэтому позвал отца, поэтому шантажирует меня самым дорогим — младшей и горячо любимой сестрой. Она не должна ни в коем случае пройти то же, что прошла я. Пусть тысячу раз я, но не Зарема!

— Нет, — вцепилась я в его рубашку. — Не трогай Зарему. Только не она.

— Весьма благородно. Тогда ты, Ясмин, — изогнул он бровь. — Да?

Мне было тяжело заставить язык повернуться и озвучить свое решение, хоть и выбора не осталось.

— Обещай, что если я сделаю всё, что ты хочешь, этой ночью, ты не тронешь мою семью.

— Нет, — покачал он головой. — Не торгуйся со мной. Только твою сестру не трону. Обещаю.

Хорошо, пусть так. Не мне диктовать тут правила. Хотя бы Зарему смогу уберечь от лап этого монстра.

— Что ты решила? Ты или Зарема? — спросил он, уже зная ответ.

— Я, — ответила ему наконец, и слезы снова стали душить.

— И ты будешь послушной и ласковой? — Провел он пальцами по моему лицу, и я сдержалась, не оттолкнула его руки.

— Да. Я сделаю все, что ты хочешь, Андрей Горский.

— О, птичка узнала у папочки моё имя? — улыбнулся он.

— Это приятно. Что ж...

Он посмотрел на наручные часы. Потом вернул взгляд на меня.

— У меня ещё не все дела завершены. Я и так слишком много внимания уделил тебе. Сейчас ты пойдёшь в спальню, примешь душ, подготовишься и будешь ждать меня.

Он притянул меня к себе за талию, впечатав в свою каменную грудь.

— Тебе самой понравится, принцесса. И учти — эта ночь обещает быть длинной.

21.

Меня отвели обратно в спальню. Осталась одна, и все, что я слышала и усвоила сегодня, обрушилось на меня бурным потоком.

Долго плакала и не находила себе места. Как просил Гор, сходила в душ, вымыла волосы, подготовилась к нашей ночи. Вот только смириться с участью безропотной рабыни никак не получалось.

Красивый пенюар, уложенные волнами длинные волосы и заплаканные глаза. С этим я ничего поделать не могу. Из зеркала на меня смотрела красивая, но бледная и испуганная хрупкая девушка, которая совершенно точно не сможет противостоять этому двухметровому медведю.

Да и смысла нет в этом. Если он обидит Зарему, моё сердце этого не вынесет. Мне придётся подчиняться, играть по его правилам, чтобы иметь возможность спасти сестру и братьев. Да, горько и обидно, что миссия расплаты, да ещё ТАКОЙ расплаты, выпала мне, но здесь от меня ничего уже не зависит, и роптать на судьбу бесполезно. Есть определённые требования, которые я обязана выполнить. Сестра не должна, как я, лишиться будущего и шанса на семью. Я все равно уже опозорена и, как верно сказал отец — обречена.

Я сделаю все, что он скажет. А что потом... Не знаю. Я не знаю, как открою глаза после этой грешной ночи, после ночи

с этим дьяволом, как буду смотреть на солнце и себе в глаза в отражении зеркала. Я стану совсем бесправной. Сегодня я лишусь последней своей защиты — невинности.

Звук открывшейся двери заставил меня вздрогнуть. Это он. Он победил и пришёл за своим трофеем.

— Прекрасно, — обошёл он меня и оглядел с ног до головы, коснувшись пальцами локонов волос. — Ты подготовилась.

— Как ты просил, — ответила я, не поднимая глаз на него.

— Хм, — усмехнулся он. — Такая послушная ты мне нравишься больше. Ну что же, начнём.

Боковым зрением я видела, как он снимает пиджак, дорогие часы и рубашку. Оставив на себе только брюки, Гор подошёл ко мне. Жар его кожи опалил меня и заставлял нервно вздыматься грудь.

Поднял мой подбородок на себя. Тёмные глаза так и впились в мои губы, мне казалось, их даже закололо от одного его взгляда.

— Красивая, — провел большим пальцем по нижней губе. — Моя. Поцелуй меня, Ясмин.

Его просьба заставила меня растеряться. Я почти смирилась с тем, что придётся принимать его вынужденные ласки, но совсем не ожидала, что он потребует от меня стать их инициатором.

— Ты помнишь, что ты обещала?

— Да, я помню, — ответила я, не понимая, как я посмею

решиться поцеловать мужчину, поцеловать ЕГО.

— Делай, — он обхватил большими ладонями моё лицо и приблизил к моим губам свои. Остались лишь считанные миллиметры. — Целуй.

Его обнажённый торс, которым он прижался ко мне, смущал и заставлял нервничать. Мне тяжело выносить его энергетику с ярко выраженной сексуальностью и желанием, откровенной похотью. На меня никто никогда так не смотрел. Сердце немело от этого взгляда.

— Хочешь, чтобы меня поцеловала Зарема вместо тебя? — сузил глаза Гор. — Если у неё такие же сочные и пухлые губы, как твои, и такие же вкусные, то я не против.

Нервно сжала руку в кулак и с усилием опустила на его грудь. Меня просто разрывало от негативных эмоций. В ответ он мягко рассмеялся и словно с издевкой перехватил мой слабый кулак и поцеловал сжатые пальцы, потом развернул его к себе запястьем и легко поцеловал его. Кончик языка обжег тонкую кожу, и я ощутила нервный импульс по спине.

— Ясмин, я теряю терпение, — слегка прикусил он мою кожу, и я испуганно всхлипнула.

Притянул меня к себе сам и опустил свои губы на мои. Он ничего не делал, явно ожидая, когда я начну вести ласку сама. Но я... Не умею, я не знаю как. Что он хочет от меня сейчас? Или ему потому и забавно требовать от меня того, что я не умею?

Мужские руки ощутимо сжали мою талию, заставляя ме-

ня тем самым начать делать уже хоть что-то. Я стала без энтузиазма по очереди касаться его губ. То верхней, то нижней. В животе словно что-то защекотало.

— Ещё, — командовал он предельно низким от возбуждения голосом. — Смелее.

— Я не знаю... Не знаю как.

Гор посмотрел на меня со снисхождением и улыбкой в глазах.

— Разомкни губы. И позволь мне тебе показать.

Его губы снова обрушились на мои, не дав даже сделать глоток воздуха. Настойчивый горячий язык ворвался внутрь меня и с наслаждением, медленно, стал выписывать восьмёрки, задевая мой язык и сплетаясь с ним в причудливые узоры. Я пыталась расслабиться в его руках и подчиняться, буквально все мои силы уходили на то, чтобы не оттолкнуть его или не прокусить зубами его язык, что по-хозяйки гулял внутри моего рта.

Почувствовала, как он тянет пеньюар вверх, желая его снять и обнажить моё тело. Вся моя выдержка лопнула на этом моменте. Я вцепилась в ткань как в спасительную соломинку, пытаюсь прикрыть ей грудь.

— Ясмин, — изогнул бровь он, настырно отнимая у меня мою защиту.

Неимоверным усилием воли позволила ткани просочиться сквозь пальцы и осталась стоять в одних трусиках. Неосознанно прикрылась руками, но Гор их тут же отвёл в сторо-

ны.

— Нет. Я хочу смотреть.

По коже побежали мурашки. Стало холодно и неуютно от хищного взгляда на меня, Гор даже втянул воздух, раздув ноздри, словно слушая мой аромат тела.

Собрал мои волосы на затылке и потянул их в сторону, обнажая шею. Горячие губы легли на тонкую кожу шеи, прокладывая дорожку до самой ключицы. Хищник тяжело дышал, наслаждался каждым моментом, упивался моей покорностью и видом моего обнажённого тела и никуда не торопился. Вспомнились его слова о том, что ночь обещает быть долгой...

22.

C

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.